
Печисть дурак
Tony Sart
-ДУРАК-
КНИГА 2

Тони Сарт

Дурак. Книга 2

«Автор»
2026

Сарт Т.

Дурак. Книга 2 / Т. Сарт — «Автор», 2026

Все, про что баяли старики в быличках-страшилках, чем пугали маленьких детишек в сказках ах да, про то мы уже говорили!Давно остались за спиной ворота родного острога. Так давно, что уж забываться стали знакомые с младых ногтей подворья да закоулки. И кажется, что прежняя жизнь была лишь мороком, зыбким сном. Теперь же доля дурака мерить шагами из конца в конец земли Руси Сказочной, искать то, сам не знаю что.Северные ветра сменяются жаром степей, но идет вперед наш юноша, не отступает от цели. Закаляют странствия, превращают мальчишку в мужа достойного. А там, где не сдюжит сам, всегда на подмогу придет верный дядька-пестун, подставит крепкое плечо.Но чу! Порой в вечерний час обернется парень, вглядится в сумерки, и все кажется, словно следит кто. Вцепился взором мрачным, не спрятаться, не оторвать. И звенит еле различимо пугающий смех.Мотнул головой, отогнал наваждение и дальше в неведомые дали.А все одно по спине холодок...«Дурак» - завершенная трилогия из мира «Нечисти»

© Сарт Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Зачин 6
1.Сказ про древнее чудище Вия да смекалку молодецкую. 11
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Дурак. Книга 2

Нечисть. Дурак

Книга 2

Идет смерть по улице, несет блины на блюдце.
Кому вынется - тому и сбудется…

“Про дурачка”, Гражданская Оборона

Зачин

Старик открыл глаза.

Над ним нависало пасмурное тяжелое небо, точно такое же, какое было… сколько прошло времени? День? Неделя?

Он никогда не мог понять, на сколько уходил. Да и где блуждало то, что осталось от его ведогня, в эти долгие часы, тоже не помнил, но знал одно.

Возвращение неминуемо.

Воздух обжигающими толчками ворвался в пересохшее горло, разворошил все внутри сотнями невидимых когтей, заставил закашляться. Хрипло, надсадно, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Старик перхал, лежа на спине, не пытаясь даже приподняться. Знал, что нынче в нем нет никакой мочи пошевелить даже пальцем, не то, что обороть тело и заставить себя привстать.

Бесполезно.

Так и лежал, распластавшись в стылой грязи, и исходил горлом, пока совсем не иссяк. Сквозь обильно проступившие слезы, стекающие теперь кривыми ручьями по морщинистым вискам, он еле различал голые корявые ветви с редкими жухлыми листьями.

Где-то вдалеке зашлась граем ворона.

– В-воды, – собравшись с силами, слабо взмолился старик и надолго затих, прислушиваясь к каждому шороху. Но вокруг был лишь слабый шелест леса, гулкий, монотонный, да поскрипывание покачивающихся стволов. Даже ветер, осенний бродяга, не желал приносить лишних звуков. Старик подождал еще, вновь собрался с духом и выдавил: – Воды!

После чего опять надолго зашелся надсадным кашлем.

Пока он боролся с очередным приступом удушья, внутри него копилась злоба, привычная и давно знакомая. Где носит этого сопляка? Неужто струсил малец и дал стрекача? Небось и гусли забрал! Зря, ох зря тогда решил расщедриться и одарить оборванца дорогим инструментом – теперь поминай, как звали. Недаром говорила та бабка, у которой пару лет назад удалось сторговать сиротку за сущие пустяки – не балуй мальца, держи в строгости, ни одежи, ни монеты не сули, иначе накличешь беду. И ведь исполнял старик все верно, как завещано было, а вот поди ж ты, не удержался раз. Уж больно мальчонка ладно по струнам бренькал. Даже у него сердце порой щемило…

Даже у него.

Лежа на мерзлой земле и втягивая воздух (осторожно, словно горячую похлебку), старик думал.

Да, малец точно сделал ноги. И вроде винить было не за что, чего с мертвецом сидеть рядом, дожидаться, пока поднимется да сгрызет, а все же не уважил, не проводил в последний путь. Хотя, с другой стороны, хорошо, что не закопал…

Порой и такое случалось.

А выбираться из неглубоких могил дело, скажу я вам, муторное и малоприятное. Так что тут может оно и к лучшему. В то, что малец побежал за подмогой в ближайшую деревню, не верилось совсем, уж отличить труп хладный от раненого тот смог бы легко. А уж неживым он пробыл какое-то время точно.

Впервой что ли.

Невольно старик задумался, а сколько уж раз он погибал и возвращался с тех пор, как… Память больно хлестнула обжигающим батогом, зло, без пощады. Где твое величие, дед? Где власть? Все твое наследство лишь смерть без конца и… и память.

Старик давно потерял счет времени, махнул рукой на месть и попытки вернуть былое. Пусть это остается молодым и сильным, а он устал. Так и бродил по белу свету без цели, без мечты, без конца.

Хотя, если так разобраться, концов-то как раз было уйма. Легких и тягостных, случайных и совсем дурных. Уходил он разными путями – голод, стужа, голодные звери, лихие людишки или же излишне ретивые в подозрениях селяне, хмельной корчмарь, гнилая балка, пожар… Всего и не перечесть.

Именно этим он и занимался каждый раз по возвращению.

А что еще делать, коль нет сил пошевелиться, да и рядом никого, кто мог бы пособить.

– В-воды! – просипел вновь старик, закатывая глаза и слегка запрокидывая голову. Обветренные губы жадно хватали несуществующую чарку, кадык на горле судорожно дергался, но это все был лишь морок.

Он знал, что сейчас не уйдет. Так и будет страдать, пока кто-то не протянет ему живительной влаги. Какова вероятность, что в пустом осеннем лесу вскорости объявится какой путник с бурдюком? То-то же. Опять, значит, куковать подснежником до весны, а там люд по ягоды потянется в леса, авось сыщут. Ну или за хворостом кто соберется из забывчивых, если уж совсем повезет.

Ничего больше и не остается, кроме как лежать, стенать да перебирать в памяти былое. Вот ведь незадача какая случилась. И надо было заподозрить неладное – ну откуда в глухомани раскисшей, да еще и прямехонько к ним, бродягам, выйдет гостьей-подругой боярыня богатая? Надо было, да не успел…

“А ладно она меня заколола, – с легким уважением подумал старик. – Моим же ножичком, да с одного разу. Очень справно!”

Он медленно моргнул, ощущая под веками резь, и вновь посмотрел на серое небо. Но там, в грозовых высях, не было никакого дела до лежавшего в грязи старика с забавными седыми косичками, заплетенными на северный манер.

Несчастный осторожно набрал воздух и выдавил, что есть сил:

– В-воды!

И тут же опять надолго закашлялся.

***

Ихолка брела по лесу уже который час.

Внутри девочки росла досада. В вязанке хвороста почти не прибавлялось, а осенний короткий день неумолимо клонился к закату. И оттого малышка все чаще с тревогой поглядывала на пасмурное небо и прислушивалась к тишине леса. Не хватало еще на волков набрести. Тятя хоть и дал лапку-оберег от серых хищников, а все же боязно было так, что спасу нет. То и дело подмывало девчушку бросить все, развернуться и мчать, что есть мочи, обратно к урочищу. Пусть уж лучше заругают, хворостиной отходят, а все жива. Собиралась, да только все одно шла вперед – худо без топляка, а до зимы уж рукой подать.

Ветки как назло выискивались все гнилушки да труха, словно дедушка леший за что-то осерчал на малышку и попрятал всю годную падь. Попадались, конечно, и хорошие, добрые сучья, но были они так велики, что ни утащить, ни уволочь их без топора никак было нельзя. Вот и шла Ихолка все дальше вглубь чащи, с сожалением вздыхая над каждым более не менее сухим бревнышком. Как-то не сложилось в их семье ни одного мальчишки, и матушка, хоть и принесла полон дом приплода, но все больше бабилась[1]. Вот и выходило, богат дом невестами, а за дровами идти некому. Тятя-то после того, как на прошлогоднем посеве в рытвину угодил, хром стал, потому далече в леса никак отправляться не мог, вот и приходилось справляться им, девчушкам.

[1] Обабиться - родить девочку. Считалось очень почетным, так как тем самым в мир являлась тоже будущая мать, продолжательница жизни.

“Эх, доля девичья,” – пробормотала Ихолка подслушанную у старшей сестрицы присказку, подобрала очередную корявую веточку и долго, с тщанием, ее разглядывала, пока вдруг не почудился ей какой-то шорох.

Тихо ойкнув и тут же прикрыв ладошкой рот, девочка заметалась меж кустов. Куда, ой, куда ж деваться. На дерево лезть? Так в зипуне да подвязках и не вскарабкаться никуда. А в овраге точно достанут. Бежать? Авось уйти сладится.

Ослепленная накатившим страхом, Ихолка не сразу сообразила, что шорох не походил на приближающегося зверя, да и вовсе не казался теперь чем-то опасным. Девочка на миг замерла и с испугом стала вслушиваться.

Тихо.

Ничего кроме привычного далекого скрежета да легкого гула ветра в верхах. Может, почудилось? Однако почти тут же звук повторился. Еле различимый, шел он откуда-то из чащи, чуть поодаль тропинки, и теперь кроха была уверена, что не походил он на приближение зверя. Даже на суету зайца или копошение ежика. То ли вздох, то ли стон. Или голос?

Совсем слабый, еле различимый.

Почти тут же Ихолка вновь ойкнула, но уже не от страха, а от тревоги. Может, кто в беде оказался. Понесло в лес, как и ее, да и случилась какая напасть. Ногу повредил аль под дерево попал. Тятя рассказывал, что часто балует нечисть лесная, на путников или грибников могут легко ствол трухлявый обрушить. Это, конечно, коль гостинцев не оставил на пеньке на опушке, хотя, бывает и просто злом да озорством промышляют.

Пока девочка вспоминала наставления тяти, из глубины зарослей опять раздался слабый зов, и Ихолка, забыв про все, сбросила со спины чахлую перевязь с хворостом и поспешила на помощь.

Человека в беде бросать нельзя! Чуры не простят.

По крайней мере, так матушка сказывала. Хотя кто они, эти самые чуры, девчушка понимала плохо. Что-то баяли старики в деревне, да только не слушала она, в толк не брала.

С полчаса Ихолка металась среди хоровода кустов и деревьев. То и дело она останавливалась и из раза в раз прислушивалась. Слабый стон то приближался, то удалялся и девочка уж было решила, что попалась на уловку Блуда или озорство Попутника, но тут она внезапно выскочила на небольшую полянку.

Прямо посреди, в слякотной коросте, распластался старик. Даже несмотря на то, что был он изрядно перемазан грязью и кровью, Ихолка сразу узнала его – совсем недавно захаживал он к ним в урочище. Сказания баял да пел песни, душевные такие, щемящие. Был с ним еще мальчонка странный, оборванец. Гусляр. Только вот теперь его нигде не было видно.

Ойкнув от вида старика, девочка тем не менее шустро подбежала и склонилась над телом. Прислушалась.

Бедняга совсем был неподвижен. Морщинистая темная кожа на его лице сделалась пепельной, похожей на кору дерева. Черты старца заострились, резче обозначились скулы и нос, а глаза совсем запали. Ихолка уже видела такое, когда пару зим назад уходила бабка Стасья, и потому первой мыслью было – опоздала! Вон, и не дышит уже.

Девочка стала медленно отползать от мертвеца, она не хотела ни мгновения задерживаться на полянке. А то как еще встанет умраном[1], как накинется. Нет уж, бегом, бегом домой! Порядком уже страха натерпелась. Авось, коль про такое расскажет, не сильно отругают. Поре-

[1] Умран - название восставшего мертвеца. Не путать с умрунами - мертвыми колдунами.

шив твердо, что уж лучше получит хворостин, чем сгинет в чащах, Ихолка собралась наутек, когда вдруг в запястье ее вцепилась сухая, узловатая рука.

Крепко. Намертво!

Ни жива, ни мертва от ужаса, девчушка только и могла, что тихо скулить и раз за разом безнадежно пытаться высвободить руку, пока не глянула мельком на лицо мертвеца. И тут же остолбенела, забыв даже подвывать.

На Ихолку смотрели глаза. Живые.

Сухие губы покойника разлепились, треснули в нескольких местах, выдавив темные капли крови, и из черного провала рта раздалось слабое:

– В-воды!

Не сразу, ох не сразу оцепеневшая от ужаса девочка смогла понять, что мертвец вовсе и не мертвец. И что просит несчастный о помощи. Видать, ранен крепко. Так и сидела, пока рука на ее запястье не сжалась еще сильней.

Ихолка ойкнула.

– Ох, да-да, дяденька сказитель, я мигом, я сейчас!

С этими словами девочка полезла под отворот зипуна и выудила оттуда небольшую долбленку, наполненную холоднющей колодезной водой. Хватка старика разжалась, и малышка принялась откупоривать затычку. От волнения и пережитого страха пальцы плохо слушались и справиться удалось не сразу, но все же, как дело сладилось, Ихолка осторожно приподняла голову несчастного и поднесла сосуд с водой к губам раненого.

Он пил долго и жадно, шумно глотал и дергал кадыком. В какой-то миг девочке показалось, что долбленка давно пуста, однако старик все лакал и лакал. Но наконец-то он отстранился от подставленного сосуда, утер рот тыльной стороной ладони и неожиданно легко сел.

С удивлением обнаружив, что воды в ее долбленке убавилось едва ли на четверть, девочка ошарашенно глядела на старика. Тот же, весьма приободренный теперь, улыбнулся и сказал хрипло:

– Спасла ты меня, девочка. Ох спасла! Уж, думал, пропадать тут буду до весны.

Она не придала значения странным словам сказителя, мало ли какую глупость начнешь нести, оказавшись на краю гибели, и лишь тихо спросила:

– Ты ранен, дядечка? – И кивнула на окровавленную грудь старика. – Давай-ка я тебя в урочище наше провожу. У нас знахарь ого-го какой, вмиг подлечит! Или ты тут погоди, я сбегаю за подмогой, ладно?

Сказитель только молча покачал головой, не сводя глаз с девочки. В какой-то момент ей показалось, что было в его взгляде что-то недоброе, страшное.

– Не надо лекаря, кроха! – улыбнулся он, обнажив желтоватые зубы. – Мне уже гораздо лучше.

Старик вдруг стал озираться по сторонам и вскоре потянулся куда-то вбок, выудив из грязи небольшой нож, лезвие которого было черно от запекшейся крови.

– Вот и мой ножик нашелся, – еще шире улыбнулся он и вновь зыркнул на съежившуюся девочку.

– Я, наверное, пойду, дядечка, – тихо пролепетала Ихолка. – Уже темнеет. Тятя заругает. Вы… вы коль надумаете, то заходите к нам, мы…

– А, да-да! – перебил ее сказитель, крутя в руках ножик и безуспешно пытаясь обтереть его о рукав. – Беги, кроха! Благодарю, выручила старика! Беги! И отцу передай низкий поклон от меня, какую добрую девку вырастил, не бросила в беде. А уж я отплачу…

От последних слов у Ихолки пробежали мурашки по спине. Не веря своей удаче, она мигом вскочила и попятилась прочь. Лишь когда спины ее коснулись первые кусты на краю полянки, девочка развернулась и пустилась прочь сквозь заросли.

Отчего-то ей хотелось поскорее покинуть это место, этот лес, быть как можно дальше от странного сказителя, оказаться под защитой родных стен. И не волновала ее ни оставленная вязанка, ни предстоящая расправа от тяти.

Прочь, прочь!

Под ногами хлюпала грязь, тропинка послушно ложилась под старенькие поршни, ведя все ближе к спасительному урочищу, а перепуганную девочку все не покидало ощущение, будто смотрят ей в спину глаза старика. И звучало в голове:

– Уж я отплачу…

Ихолка спешила изо всех сил, словно соревнуясь наперегонки с быстро наступающими сумерками. Вот уже, совсем близко! Еще несколько сотен шагов, среди стволов деревьев покажется частокол родной деревни и…

Справа и слева раздался протяжный вой.

Совсем близко.

1.Сказ про древнее чудище Вия да смекалку молодецкую.

Горе, горе и печаль на головы ваши, те, кто предал память предков, кто повернулся супротив уклада, кто поднял меч на оберегающих вас!

Коль попадет сия рукопись к мудрому человеку, то знай, что сами, своими деяниями навлекли мы все то зло, что теперь бродит по свету. Прошлый мир пал, не вернуть былой Руси и не стать всему по-прежнему. Не уйти более душам людским в Лес, не встать в один ряд с пращурами за дела свои славные да жизнь добрую, потому как изломалось бытие, исковеркалось… (неразборчиво)

Трудно жить стало, когда черные люди вновь подняли голову, когда брат идет на брата, а мертвые не находят покоя. И, как бывает в тяжкую годину, привычно выбрал народ себе виноватых. Нас выбрал, ведунов. Пошли гонения на очельников, стал люд выпроваживать отовсюду странников, а там уж как злоба накопилась, то и капища жечь начали да резать почем зря. Немногие, ох немногие ушли, скрылись в Северном Оплоте за воротами дубовыми да запорами крепкими, иные же…

Не держали мы зла на людей, все понимали. Да только на растолковать одурманенному местью разуму, что и сами мы были обмануты, сами в заблуждения введены, и те из нас, кто задумал Обряд… (неразборчиво)

(вымарано два листа)

…будет. Но еще до излома начались знаки, что грядет недоброе. Все чаще видели на просторах Руси чудищ невиданных, таких, про которых лишь в древних сказаниях и было упомянуто. И те, кого все мы считали не более, чем сказками, пугалками для детишек неразумных, коих перед сном застращать надобно, явью оказались. Что-то содрогнулось до самых основ мироздания, и то порушило старые оковы. Треснули цепи наговоренные, распахнулись темницы глубокие, и вновь в бедный наш мир являться стали те…

(неразборчиво)

… так думаю, что та, кто нашего брата на Обряд подбила, она же за всем этим и стоит. Ее, ее рук дело, твари одноглазой!

Я, тот, кто не побоялся остаться в миру, кто не отвернулся от рода людского, не ушел за прочные стены крепости Ведающих, бродил по дорогам немало. Я искал, и я нашел. И теперь, собрав все свои невеликие силы, спускаюсь я под мрачные своды, дабы вызнать ответы, и коль держишь ты в руках сии заметки, то не сдюжил я, сгинул.

Спой за меня братину пред алтарями предков, чтобы ведогонь мой…

(неразборчиво)

Третий год Излома. Ведун Вячко, что из капищу под… (заляпано грязью)

– Дурнина какая! Баляба, далась тебе эта береста. Вот жеж сыскарь экий! – Коротышка в один прыжок подскочил к своему братку и попытался выдрать из его лап заветную кору, однако Баляба оказался не из робких и встретил задиру коротким тычком копыта прямо в пузо. Коротышка визгливо взвыл, покатился назад, обдирая спину и бока о шершавые камни, после чего долго отфыркивался, потирая ушибленные места. Особенно досталось седалищу, на которое он приземлился со всего маху. Хорошо хоть плотная шерсть, покрывавшая все тело небыльника ниже пояса, немного смягчила удар. Придя в себя и гневно затрепетав длинными

ушами, обиженный скорчил на синюшном лице страшную гримасу и собрался было рвануть в атаку, дабы отомстить обидчику, но был остановлен властным писклявым голосом:

– Цыть, зубоскалы. Потом подеремси! Ты, Еропка, пыл-то поумерь. Не видишь что ли, Баляба читает. Может что умного вызнает! – Говоривший небыльник, щуплый, как и остальные его братья, был небольшого роста. Неказистый, кривой и низенький. Вообще, больше всего вся троица напоминала крыс переростков, которые прихотью судьбы вдруг встали на задние лапы и научились болтать. Дополнительное сходство придавали кривые передние зубы, длинные, как у грызунов, которые торчали у каждого коротышки из пасти. Хотя стоило лишь бросить один взгляд на копыта небыльников, чтобы убедиться, что к серым подпольщикам они не имели никакого отношения.

– А ты чего раскомандовался, Разлямзя? Кто это тебя в воеводы записал? – огрызнулся все еще обиженный Еропка, однако в драку лезть передумал.

Обладатель властного писка чуть повернулся к братцу, прицокнул копытцами и, важно воздев к влажному своду пещеры грязный палец, проголосил:

– Потому что, дурья твоя башка, я самый старший в нашем роде Злыдней, что из-под гнилой коряги! И самый вумный! Уяснил?

Эхо подхватило последний визгливый вопль и унесло его куда-то в непроглядный мрак глубин. Еропка что-то проворчал не совсем разборчивое, но, тем не менее, вполне различимое, что, дескать, некоторые всего лишь на сотню лет старше, а уже корчат из себя невесть что и вообще, старый Хлюс, отправляя их на бесчинства, не указал старшинство… но быстро скис и лишь буркнул:

– Читай уж дальше, что там?

И Баляба, который все это время продолжал вертеть кусок бересты в лапах, облизнулся и продолжил:

– А коль сгинул я, то сыщи, путник, девку Астасью, передай последнее слово от хромого Вячко… – он перевернул белесый кусок коры, потом еще раз и растерянно пробормотал. – Все!

– Как все? – взвился Еропка. – А про сапоги где?

Старший злыдень многозначительно громко выдохнул, закатил выпученные глаза и простонал:

– Ну что ж ты за дурень, братец! Ну кто ж будет в рукописях ентих про такую драгоценность писать-то, а? Чтобы каждый встречный их утащил?

И все трое надолго задумались, пытаясь осознать всю глубину мысли Разлямзи.

– А ты голова! – наконец протянул задира Еропка. – Я бы вот тоже про сапоги нипочем не написал!

– А то! – важно подбоченился старшой, уперев руки в боки. – Ладно, братцы, чего курицу за гузно щупать, айда дальше. Ох, чую, чую я, что добрая ждет нас добыча впереди! Не просто так наткнулись мы на эту трещину в скале, явно схрон чей-то!

Злыдни гнусно захихикали и от чувств стали хлопать друг друга по плечам, по бокам. Делали они это с каждым разом все сильнее, настойчивее, а потому очень скоро дело все же дошло до драки. И лишь через полчаса троица двинулась дальше по громадным скошенным от времени ступеням вглубь пещеры, в гулкую безвестность тьмы.

Бересту с записями, что они нашли прямо тут, недалеко от входа, бросили тут же. Не с собой же ее таскать, вещь явно бесполезная. Ни слова про сапоги!

Только кору да уголь перевели зря.

Подземные залы оказались прямо таки целым лабиринтом, а потому злыдни даже потеряли счет времени, сколько довелось им проплутать среди промозглой сырости. Впрочем, мелким пакостникам такое было вовсе не в новинку, да и сами они, частые обитатели мрачных ям и подкоряжья, чувствовали себя почти как дома. Непроглядная мгла и вовсе не была поме-

хой – небыльники прекрасно могли обходиться даже без крохи света. Дело злыдней темное, коварное, а потому и места такие сродни. Это только всякий людь любит палить свои огни жгучие, миру чуждые.

После долгих мытарств в бесконечном, казалось, хороводе проходов, ответвлений и закоулков, заканчивающихся тупиками (будто те, кто сооружал эти рукотворные пещеры, совсем не хотел, чтобы кто-то сюда дошел… или вышел), вся троица все же выбралась в некую просторную залу. И теперь они, потеряв дар речи от окружавшего их величия и давящей мощи, лишь взирали вокруг, разинув рты.

А посмотреть тут было на что.

Под огромными каменными сводами, уходящими словно ребра неведомой чудо-рыбы на много саженей куда-то вверх, в непроглядную темень, простирались хоромы. Круглая площадка была таких размеров, что троица мелких злыдней казалась посреди нее будто три муравья, забравшиеся на пень. Пол и стены странной пещеры были исписаны неведомыми письменами, такими древними и забытыми, что даже башковитый Баляба (единственный, кто из всех небыльников мог читать не по слогам) не смог разобрать ни черточки. Да и все колонны, сводчатые ребра и плиты не были похожи ни на какие из встреченных когда-либо построек. А надо сказать, что век злыдня долог, и на нем повидать он успевает очень много – от примитивных каменных урочищ волотов до плетеных юрт-нор кочевников псоглавцев. Злыдни они ж кружением к месту не привязаны, по белу свету немало бродят, пакости творят. Вот и трудно их поразить чем, а тут…

– Да-а-а! – протянул Разлямзя, невольно присев от оторопи. – Экые палаты!

Впрочем, Еропка уже пришел в себя и теперь недовольно ворчал, скребя копытом каменную плиту:

– Что палаты, что палаты? Тут сапогами и не пахнет!

– Тут я согласный! – вздохнул Баляба. – Из поживы тут только каменюки эти да закорючки на стенах. Выходит, что…

Но договорить он не успел, так как Разлямзя шикнул, схватил лапой за морду братца и развернул куда-то в сторону дальней стены. Все трое разом примолкли и уставились на застывшую вдали тушу. Там, во мраке, замерло, паря прямо в воздухе, громадное тело. Было оно жирным, неказистым, перекошенным. Под выпирающим пузом болтались, не касаясь пола, короткие щуплые ножки, по обоим же бокам месива складок туловища безвольно свисали две руки – одна худая, куцая, не толще ноги злыдня, вторая же походила на бесформенный навал мышц, жира, каких-то опухолей и нарывов и была она почти до пола. Венчала же все это безобразие мелкая голова с брылями щек и невероятно длинными веками, больше похожими на лишнее мясо, наросшее прямо поверх глаз. Под грязными сосульками черных редких волос можно было разобрать железный кованый ошейник, а на руках и ногах чудища виднелись кандалы такого же металла. Даже отсюда было видно, что все путы испещрены мелкими узорами. Точно такими же, как на стенах. Однако все цепи, что крепились к железным узам, просто висели вниз, ниспадали на пол, где и валялись. Видать, раньше-то все это было надежно закреплено за неимоверное множество колец, вмурованных в стену позади неведомой твари, но все это теперь отчего-то полопалось, обвалилось и пришло в полную негодность. И на фоне всего этого особо жутко смотрелись вырезанные прямо на отвратительном животе непонятные черточки, потому как светились они и переливались огнем. Будто были лишь прорехами, и сквозь них можно было подглядеть, как там, внутри чудища, полыхали раскаленные угли.

Не в силах пошевелиться, злыдни так и пялились на неподвижную махину, когда вдруг палец на руке, той, что была уродливой, дернулся, и по зале гулко прокатился тяжкий стон.

Не описать словами, с каким визгом и суетой заметались мелкие небыльники. Они голосили, врезались и отталкивали друг друга, искали куда бы спрятаться в пустой пещере. В жут-

кой панике они напрочь позабыли, в какой стороне был вход, который их сюда привел, а потому троица продолжала скакать по плитам, вереща и мешая самим себе.

Так продолжалось с четверть часа, пока до небыльников все же не дошло, что ничего, собственно, не происходит.

Все так же уходят каменные ребра-своды вверх, все так же пестрят вырезанные по стенам узоры, все так же недвижной молчаливой громадиной замерло чудище у стены с кольцами. Не шелохнется.

Поняв, что зря подняли вой, злыдни сели в кружок и стали совещаться. Порой то один, то другой из них поднимал голову, будто потревоженный суслик, и с опаской поглядывал на тварь у стены. Не накинулся ли, не пробудился.

Троица держала совет.

– А я говорю, он спит! – ворчал Еропка, от волнения обгрызая кривой желтый ноготь. – Вот и уносим ноги, пока целы! Это вообще что за живность такая? Что-то не припомню я этакой невидали на своем веку.

Разлямзя нахмурил редкие бровки и согласно закивал:

– Тут я с задирой согласный! Не слыхивал я про чудище такое. Это ж какого он племени. Да и, походу, давно он здесь. Видали, эк его сковали! Явно опасный! – Но тут, судя по его просиявшей морде, старшому пришла в башку светлая мысль, и он радостно затараторил визгливым шепотком: – Братцы! А что, если мы этому чудищу удружим? Оковы-то, может, и полопались, да, кажись, не все. Иначе бы он давно уж сбежал. Я так смекаю, мы ему подсобим, а за это он нам чем поможет! Такого бугая в ватаге иметь – это нам не пакостями промышлять аль у чернокнижников на подмоге валандаться, это ж мы сами себе будем гроза всей округи! Ух!

И явно распалив сам себя, Разлямзя стал потирать лапы и мерзко хихикать. Еропка тоже быстро прикинул выгоду и неистово закивал так, что его вислые уши начали болтаться как крылья хмельной бабочки. Лишь Баляба задумчиво хмыкнул, поскреб ногтем щетинистый подбородок и протянул:

– Одно я скажу, братцы. Сапогов нам тут не видать!

ннннннннннннннн

Как самого умного, в дозор снарядили как раз Балябу. Во-первых, чтобы в случае чего он мог что-то прочитать, а во-вторых, потому что разнылся про сапоги. Оба злыдня вытолкали вперед братца, а сами, повизгивая от возбуждения, схоронились у самого входа в зал.

Баляба же, понимая безвыходность своего положения, лишь растерянно поозирался, вздохнул и под подгоняющее шиканье да советы Еропки и Разлямзи осторожно двинулся вперед, прямиком к неподвижному исполину.

От каждого цоканья копыт о плиты пола по залу разносилось эхо, и бедный злыдень с ужасом замирал и зажмуривался.

Но чудище крепко спало, или же дела ему не было до такой крохи, как мелкий пакостник, а потому вскоре Баляба, ни жив, ни мертв от страха, ступил под стену колец.

– Ты ента, ты там с повежливостью давай, братец! – раздался свистящий шепот двух злыдней от входа.

Едва стоявший на ножках Баляба лишь мельком отмахнулся, подергал носом, словно принюхиваясь, и залепетал:

– З-здоровяк! Эй, твое страшиество! Здрасте наше вам! – И он тут же вновь зажмурился, ожидая неминуемой расправы. Тут как бы нечисть ты или не нечисть, а коль такая махина приложит, то собирай потом ошметки своей сущности, сгребай в один мешочек.

Хоть под веками была точно такая же темнота, как и в пещере, а все же как-то поспокойнее было, поуютнее. Как под родной корягой. И в этом домашнем мраке ничего не происхо-

дило. Совсем ничегошеньки. А потому Баляба выдохнул и открыл глаза. Все было на месте – и стена колец, и цепи, и замершее чудище.

Слегка осмелев, злыдень осторожно процокал сначала в одну сторону, потом в другую. Заглянул за спину великана, обнюхал стену, плиты пола и зачем-то лизнул одну из высеченных на камнях надписей. После чего выглянул из-за одного из ржавых звеньев цепи и пискнул:

– Братцы! Так он ента, не скован. То есть, совсем не скован. Все оковы оборваны, обсыпались трухой. В конец истлели.

Два других небыльника как только увидели, что с Балябой ничего не случилось, и неведомая тварь не растерзала, не сожрала и не растоптала брата, покинули свое укрытие. Поначалу вся троица с большой настороженностью обследовала все вокруг исполина, но вскоре злыдни потеряли страх и уже вовсю прыгали по цепям, карабкались по кольцам и взбирались на само чудище.

– А можа он того? Дохлый? – брякнул Еропка. Он заглядывал во все щели между камней и явно не терял надежды найти здесь хоть какое сокровище.

– Да не, братец! – откликнулся отважный Разлямзя, который уже устроился на плече исполина и с наглостью сороки тыкал пальцем в ухо чудищу. – Жив он. Чую, как дышит. Разве что совсем не откликается.

И тут же, желая доказать свою правоту, злыдень приложил губы к многострадальному уху чудища и заорал, что было его нечистых сил:

– Э-э-эй! Истукан! Иди, ты свободен!

Голосок злыдня быстро унесся под своды и почти тут же пропал, а довольный и вконец расхрабрившийся Разлямзя окинул сверху присмиревших братьев победным взглядом:

– А! Что я говорил!

– Говорил он! А толку? – тут же начал спорить Еропка, которому, казалось, было в удовольствие идти наперекор старшому. Он привстал на копытцах, закатил глаза и заголосил, явно передразнивая брата: – Айда в чудо-пещеру, найдем там сокровища несметные, купим сапоги алые, бархатные! И где? Что делить будем, а? Пыль да камень? Да еще эту вот дуру неподвижную!

Еропка совсем распалился, подскочил к одной из цепей, что свисали с шейных оков и зло дернул за нее. Почти тут же взвизгнув от ужаса и вжавшись всем телом в стену за своей спиной, потому что чудище бесшумно и быстро повернуло голову. Нет, страшные наросты век не поднялись, не дрогнули, но злыдням попервой показалось, что тварь задвигалась сама. Стоит ли говорить, какого страха натерпелись бедные небыльники за эти мгновения. Все трое буквально оцепенели, но хуже всего пришлось, конечно, Разлямзе, ведь именно к нему повернулась башка твари, и теперь сидел он и смотрел прямо в уродливую харю, боясь даже дышать.

Миг, другой, и вновь под каменными сводами тишина. Лишь слышно как тихо повизгивает спрятавшийся за обломок цепи Баляба.

– А ну-ка, – спустя очень продолжительное время все же пришел в себя Разлямзя. Все же не зря он был старшим и самым мудрым из троицы. – Дерни-ка еще раз.

На удивление Еропка не стал спорить. Он осторожно подкрался и вновь дернул за одно из ржавых колец. Скрежет, тихий лязг, и чудище чуть подалось вперед, неслышно паря в паре локтей от пола.

– Он… он… – пролепетал Баляба и умолк, не в силах закончить мысль.

– Именно! – торжественно пропищал Разлямзя. – Братцы! У нас есть свое собственное чудище! С таким страшилищем мы ближайшую деревню мигом к ногтю прижмем! А то ишь, ворожея своего вонючего на нас спустили. Ничего, расквитаемся. Все возьмем, что плохо лежит!

– Да-а-а! – завопил Еропка и зло захихикал. Он имел зуб на деревенского волшбаря, который несколько дней назад чуть не прижал его наговором, и злыдню пришлось изрядно изваляться в навозе, чтобы избежать печальной участи. – Отомстим! И сапоги?

– И сапоги! – важно кивнул Разлямзя.

Вся троица радостно заулюлюкала, заскакала, и уже через миг братья восседали на загривке неведомого древнего чудища, прихотью судьбы лишившегося оков и разума.

– Дергай! – приказал старшой.

Цепь лязгнула, и уродливое гигантское тело поплыло прочь из залы. Пустая могучая оболочка в руках пакостников.

Деревня, что располагалась от той самой злосчастной пещеры не более, чем в одной версте к северу, жила своей размеренной непростой жизнью. Отлютовала зима, отморосила частыми дождями весна, и теперь северное лето, робкое и чахлое, кое-как силилось прогреть землю. Надо было поспешать, теплая пора коротка близ студеных вод заливов, дуют стылые ветра от вечного Хладного Океяна, уносят прочь старания светила, колеса небесного. Вот потому и в заботах были все селяне, каждый день без продыху с утра до ночи трудились-потели. Где ягод запасти, где зверя с весны уже пролинявшего да располневшего побить, где припасы сделать. Да и на полях куцых нет-нет, а кое чего взрастет. Ну и рыба, само собой. Водный промысел, почитай, все урочища вдоль многочисленных рек да озер кормит. Всем хватит. И на студеную пору засолить, и на торжищах южнее сторговать аль сменять. На муку или сапоги новые.

Сновал люд по заботам своим, суетились, будто мураши-трудяги. Голосила малышня босоногая, галдели бабы, выбравшись из изб по хозяйственным делам, хоть чуток солнышку бока подставить, кряхтели на завалинках седобородые старики да ворчуньи бабки, удалецки гыкали молодцы, бахвалясь друг перед другом в дурнине, кто тяжелее бочку в амбар вкатит да молчали хмуро стражники в дозоре подле частоколов. Последним бдить особливо надо было, хлеб свой отрабатывать. В любой момент ведь могут или мертвяки полем пойти, или какая упырица попробовать за дитем малым пробраться. Так что и взгляд их был хмур, и брови насуплены, и копья востры.

Дом он охрану любит.

И восседал у своих хором куцых староста Кривоня, щурил глазки от лучей ярких, причмокивал влажными губами да прятал в куцых усишках гримасу раздражения. Недоволен был голова, вечно недоволен. Хоть и занял сей важный пост он лишь год назад, приняв деревянный обруч власти от умирающего верховодца, а все ж быстро пресытился он своим назначением. Хотелось ему большего, подвигов хотелось, славы! А много ли соберешь, когда вся твоя вотчина с десяток подворий да дюжины храбрецов с деревянными кольями, что они гордо именуют копьями? То-то же. А дух Кривони жаждал чего-то… былинного! Да только где взять-то…

Всем ладная была деревенька та, не лучше, не хуже многих других, раскиданных на бескрайних просторах Руси Сказочной, кроме одного. Выпала недоля урочищу сему несколько дней назад изгнать злыдней-приблуд. Мало ли пакости всякой водится да блуждает, а эти вроде и не самые гнусные, ну подерутся с домовыми, ну опрокинут ведро с удоем, да только ворожей местный взбеленился. Уперся бараном – гнать, мол, надо негодников. Изводить! Ну так вещий человек, ему виднее. Спорить никто не стал. Вот и погнал ретивый волшбарь небыльников, да так рьяно, что только копытца злыдневы сверкали да визги раздавались. Вымели нечисть приблудную и позабыли.

А зря.

Потому как от пещеры, прозванной давно меж селян лютой, к деревне шла та самая недоля. Летела, парила, восседая на загривке огромного уродливого чудища.

Вот-вот в ворота постучит.

– Ух, братцы! Вот сейчас мы и сведем счеты-то, шишки-елочки!

– Покажем людишкам, как всяких ворождунов спускать!

– Со всех сапоги…

– Да угомонись ты!

– Ты это кому кулачишко под нос тычешь, а?

Сыпятся тумаки, врезаются костяшки в оскаленные пасти, впиваются кривые зубы в длинные уши, лупят частой дробью копыта… Или, говоря на языке злыдней, проходит мудрое собрание в теплой, братской обстановке. И нет никакого дела той твари, что парит по дороге, что на ее спине устроили возню да дебош три небыльника. Летит себе наугад, в ту сторону, куда цепью дернули.

Один пыльный поворот, другой, вот и показались из-за холмика, поросшего цветастым северным разнотравьем, верхушки частокола. Злыдни как по гудку горна перестали дубасить друг друга и расселись чинно, мирно, как ни в чем не бывало. Еропка, уже изрядно навострившись управлять чудищем, дернул за ржавое кольцо, правя к воротам урочища.

– Устроим шороху! – довольно просвистел Баляба и осторожно проверил, не шатается ли подбитый зуб.

– А енто, – вдруг спохватился задира Еропка, – а как страшила людев-то поколошматит? У него ж, поди, всю башку отбило, сами видите, что в черепушке теперь явно пусто, в теремке-то.

И он выразительно постучал кулаком по макушке чудища. Двум братьям даже показалось, что они и впрямь расслышали негромкий гул внутри уродливой головы.

Примолкли. Призадумались.

Пока тварь на немалом ходу, словно печка-самоходка, неслась прямиком к проходу в селение. Уже бегали по частоколу приметившие приближение неведомой напасти стражники, затворяли ворота, крепили засовы. Загудел тревожно горн, оповещая народ о скорой беде, заголосили где-то за пределами бревенчатой ограды мужики, завизжали бабы, заплакали перепуганные суматохой детишки.

А злыдни все думали, чесали синюшные лысины, морщили лбы.

Чудище даже и не думало останавливаться. Там, где любая разумная гадина охолонулась бы, попробовала силушку аль грозиться стала, эта махина просто-напросто снесла своей тушей и ворота, и часть частокола вместе с пристроенными к нему дозорными лестницами, погребя под ними пару замешкавшихся стражников.

– Так енто! – воссиял вдруг Разлямзя, в очередной раз доказывая свою мудрость. – Вы, братцы, его видели-то? Страховидло ж такое, что от одного вида все разбегутся и…

Стрела просвистела совсем рядом с головой гордо голосившего старшого, оцарапав ухо и обдав ветром. Злыдень перепуганно пискнул, съежился и зарылся в нечесаные лохмы великана. Который на тот момент уже замер прямехонько посреди селения, не долетев до капища пращуров каких-то два десятка локтей. Остановили ли его силой своей предки или же Еропка ненароком дернул цепь, то никогда уж не будет доподлинно известно. Да и кому оно надо.

Вторая стрела вонзилась прямехонько в щеку чудища, ушла в мягкое тело чуть ли не до оперения. А злыдни с ужасом взирали, как от развалин ворот в них целят из тугих луков. Только и успела троица, что схорониться за могучей спиной исполина, как воздух наполнился жужжанием доброго десятка стрел. Оно-то понятно, что злыдню урону сильного не будет, а все же неприятно. А уж если наконечник железный, то жечься будет с полгода, коль не больше. Нет уж, лучше схорониться. Так и замерли братья, повиснув на цепях и зажмурившись, пока все не стихло.

Выглянули из-за плеч великана.

И лишь единый стон отчаяния вырвался из трех маленьких кривых ртов.

Поняв, что стрелы не наносят невиданному чудищу никакого вреда (тело твари было истыкано так, что напоминало теперь разрядившегося в гусиные перья ежа), люди ринулись в рукопашную. Точнее, очень осторожно и неспешно окружали никак не реагирующего урода.

Выставили копье.

Шли.

Еще миг, другой, и вонзятся острые стальные жала в брюхо, порвут плоть…

И тут злыдни, не приученные к ратному делу, не знающие военной выучки, сдали. Все трое истошно завопили, заголосили и стали носиться взад-вперед по телу чудища. От страха они не знали, куда деваться, как спасаться, но и просто так покидать свою недавно найденную ездовую страшилу боялись. Так и метались беспорядочно, сталкивались друг с другом, цеплялись за цепи и оковы.

– И как? – запыхавшись, верещал Еропка, мимоходом отвешивая тумаков старшому. – Перепугались людишки? Навалили теплым в портки? Что теперь делать, а? Думай, ты, как его… А-а-а, чтоб тебя.

Стражникам оставалось не более пяти-шести шагов, когда голосящий Еропка запнулся в очередной раз за одно из ржавых колец, покатился кубарем назад и, чтобы не рухнуть в площадную пыль с этакой высоты, ухватился за уши чудища, потащил на себя.

И в этот самый момент буркала твари открылись.

Взметнулись вверх, собрались в частые складки уродливые наросты на веках, сложились на лбу в морщины, глянули на свет белый бледно-желтые огни глаз, что веками таились в плену…

Сельские стражники даже не поняли, что случилось.

Просто все они, те, кто шел полукругом на бой с тварью, вдруг испарились. Осыпались мелкой гарью на сухую землю. Все, кто был, кто остался сражаться, а не сбежал в ближайший лес с бабами и детьми, теперь развеялись, подхваченные налетевшим ветерком.

Никого.

И ведь чудо дивное – не было ни пламени горячего, ни волшбы, ни даже черных молний, коими любят умруны-ератники бить… Нет. Просто там, куда взглянула тварь, нынче не осталось живых.

В гробовой тишине, разом опустившейся на онемевшую деревню, Еропка медленно отпустил уши урода. Веки медленно наползли обратно, скрывая под собой смертельный взгляд. Парит чудище над землей, так и оставшееся безучастным ко всему.

– Вот… это… – сдавленно пролепетал ошарашенный Разлямзя. – Да вы представляете, каких мы дел наворотим с этакой лютостью? Это же…

Он задохнулся от возбуждения, схватил за щуплые плечи братьев и затряс их:

– Это же! Мы так сможем кошмарить не одну… а две, нет, три деревни!

– Брешешь! – недоверчиво скривился Баляба.

– Да чтоб мне на кикиморе жениться! – взвился разволновавшийся не на шутку старшой. – Ты видел, чаво эта страховидла с людями понаделала? В пылюку в один миг! Ух, заживем! С трех деревень будем дань трясти!

Еропка, который тоже уже начал прикидывать возможный барыш, закивал и захихикал:

– Да, дело говоришь, братец! Голова! Мы на чудище приезжаем, человечки по лесам да полям словно мыши, а мы бери, что хочешь! А, Баляба, смекаешь?

Но прижимистый Баляба только вздохнул и, сокрушенно махнув лапой на разлетающиеся горстки пепла, пробормотал:

– Столько сапог загубили…

***

Озерцо, тихое и спокойное в это время города, замерло недвижной гладью по правую руку от путников. Казалось, оно поглотило в себя синее небо, пушистые, словно пух, облака, и даже само светило решило ненадолго остановить свой путь и охладиться в свежей воде. Вон, лежит теперь на дне, разомлело.

Впрочем, два человека, что шли по крутому берегу, совсем не обращали внимание на причуды природы. Оно и понятно – таких вот озер, речушек и просто заводей на их пути попадалось за последнюю неделю невиданное множество. Тьма, как любили выражаться гусляры-сказители, желая подчеркнуть неисчислимость чего-то. И вот эта самая тьма уже мало трогала путников и даже порядком поднадоела, потому как заместо привычного на югах прямого пути приходилось им постоянно то обходить какую-то водную преграду, то переправляться вплавь, то искать брод. И дня не проходило, чтобы не нужно было лезть в не по летнему студеную воду. Так что коль хочется солнышку ясному резвиться, пусть плещется, а мы уж как-нибудь бережком-краешком.

Сочная трава, мелкая в этих краях, больше похожая на ворс, мягко шуршала под ногами. В воздухе носилась пыльца от пушистых дикоцветов, уже кое-где красовавшихся сизыми и желтыми цветками. Редкие леса полнились щебетом птиц, да и все вокруг словно было утопало в звуках жизни. Хорошо, ладно. Так и не подумать, что под любой корягой мог валяться до поры заложный покойник аль шляться где мертвяк, оставшийся от сгинувшего лесника.

“Диковинно это, конечно, – думал Отромунд, вскарабкиваясь на очередной валун и стараясь уцепиться за густой ковер мха. – Сколько говаривали старики, мол, раньше все по укладу было, что для дурной нежити и порядки свои были, и время ночное, что даже самые злющие упыри да вурдалаки норовили поскорее убраться в свои схроны с первыми лучами солнца. Я вот сколько раз себе такое пытался вообразить, а никак не могу. Мрачно, жуть. А мертвяк он что, особый какой-то? Сколько раз видел трупарей и посреди желтых полей, и в сочных зеленых дубравах. Их же ж наоборот среди такой пестроты и видно лучше, и рубить сподручнее. Эх, нагоняли небось страху седые ворчуны, вот и всех делов…”

Думал такое и брел себе дальше, утопая в податливом мхе.

Дядька, что шел следом, тоже о чем-то помышлял, да только туманны и расплывчаты были думы его даже для самого бирюка.

Края волотов они покинули с первыми по-настоящему теплыми деньками, почти весь остаток весны проведя по ту сторону заливов. Каменные исполины больше не норовили сгубить мелких людишек, да и вообще, казалось, потеряли всякий интерес к ним. Видать, крепкой была порука мертвой богатырши. Хоть и младше по крови была поляница, а все ж, по всему видать, давно сыскала уважение. Дни тянулись бесконечной однообразной чередой, и юноша с дядькой все больше проводили иль за праздными делами, иль за ленивыми рассуждениями о дальнейшем нелегком пути. И лишь вечером, после того как горящее колесо светила закатывалось за далекие холмы, садились они на облюбованной полянке средь валунов и долго, порой до самой зорьки, беседовали с Марьей. Многое рассказывала поляница путникам, про времена древние, про битвы славные, про вещи чудесные да ворогов невиданных. И потому, как пришла пора собираться в путь-дорогу, было в котомке знаний странников немало поклажи.

Прощались с богатыршей скупо. Неуклюже ударили по рукам, пожелали друг другу благ да доли славной и разошлись. Не мог уразуметь Отер, отчего могучая воительница так задержалась в северных землях вместо того, чтобы идти свою месть вершить, а в то, что ради них – никак не верилось. Никто они ей, чтобы свой путь о колено ломать. А все же…

Волоты, знамо дело, не провожали их вовсе, а может даже и не сразу обнаружили пропажу двух людей, ну да чуры с ними, с этими глыбами. Унесли ноги, и ладно.

Пока шли к заливам хладным, пока ладили плот сносный да правили к родным берегам много думал юноша, доведется ли еще свидеться с девой поля, еще повести беседы тихие. Было в этой неистовой мертвячке что-то такое… то, что не каждому выпадет. Словно приоткрывал ты завесу былого, заглядывал сквозь века. Без прикрас, без словоблудия гусляров да без домыслов стариков, а напрямки. И было от этого внутри одновременно и тоскливо, и сладостно.

Поначалу Отер даже думал записывать что из сказаний Марьи, дабы потом, как доведется вернуться в Опашь-острог, перед тятей знанием сокровенным похвастаться да старикам нос утереть, мол, не так все было, дурни седовласые. Собирался, да только дядька лишь глянул искоса и хмыкнул:

– Брось. Не поверят. Засмеют. Или того хуже…

И парень как-то сразу понял, согласился. Слишком хорошо он знал, как толпа может аукнуться на то, что в привычный их быт не вписывается. Так что уж лучше сами послушаем, на ус помотаем.

Дорога складывалась ладно. Лето, молодое северное лето, баловало теплом, чтобы почти тут же извести мошкарой и гнусом. Как говаривали у них в остроге – одной рукой по макушке гладит, а другой на лапти гадит. Вот прям в самый раз присказка оказалась.

На восток был путь неблизкий. Именно там и стоило по словам Марьи искать хоть какой след неведомых полканов. Пробираться решили через чащобы аккурат между Вьялищем и Ладославом, дабы и в болота бескрайние не угодить и крюк не давать в сотню верст. Да только кто ж знал, что здесь заводей этих проклятущих пруд пруди…

– Глянь, дядька, – Отер вдруг придержал рукой наступающего сзади бирюка. Кивнул вперед. – Столбик-домовинка. На отшибе. Видать, урочище какое неподалеку.

Молчун лишь коротко кивнул и прищурился, внимательно разглядывая куцую деревянную крышку, приколоченную к деревянной палке, что торчала из земли.

– Коль по следам ягодников пойдем, то прямиком к деревеньке и выйдем. Айда? – И, поймав на себе недоверчивый взгляд дядьки, юноша хмуро добавил: – Ладно тебе, век вспоминать теперь будешь. Подлатаем одежу, передохнем в уюте и дальше в путь. От твоих ягод у меня уже гузно свербит.

Парень вдруг как-то ласково, с легкой тревогой глянул на бирюка и добавил, потупившись:

– Да и тебе поберечься надо. Не малой, поди, чтоб по лесам гасать.

И не дожидаясь ответа оторопевшего от такого поворота дядьки, Отер ловко заскакал по мшелым кочкам, выискивая верное направление.

Не прошло и часа, как меж деревьев показался частокол урочища.

Отромунд и дядька медленно брели по главной улице. То и дело оба озирались по сторонам и после озадаченно смотрели друг на друга. Оно и понятно – урочище, в которое они вошли четверть часа назад, выглядело странным. Не окликнули их от задних ворот, к которым они вышли прямиком из лесу, не остановили дозорные на боковых проулках. Да даже не окликнули вездесущие бабы и не обступила любопытная ребятня. Однако ж при этом деревня не выглядела заброшенной. Не покосились плетни, не обветшали постройки, да и подле идолов предков лежали свежие подношения. И, тем не менее, никого. Хотя путники сразу приметили, что следят за ними – вон у крайней избы приоткрылись и сразу захлопнулись ставни. Еле скрипнули широкие двери овина, и там, в тени блеснули влажно чьи-то глаза. Прошуршал кто-то невидимый в кустах, потревожив вездесущих воробьев. Люд здесь был, да только отчего-то не спешил нос на улицу показать.

– Диковинно как-то, – пробормотал Отер, на всякий случай положив руку на рукоять верного ржавого меча. – Что за прятки? Кто ж так народ напугал?

Вместо ответа дядька только коротко кивнул в сторону пузатой избы, судя по количеству крынок на заборе и каменной арке входа – местной корчмы. Мол, самое лучшее – там узнать.

– Дело говоришь, – парень растянул рот в улыбке. – Заодно и горло промочим. А то я доброй браги с самой весны не пил. У волотов этих пойло такое, что глаза на лоб лезут. Из чего только они его варят…

И оба спорым шагом двинулись в сторону питейной хижины.

Когда они уже миновали калитку и почти протиснулись в дверь, дядька вдруг тронул плечо юноши и чуть развернул того вбок. Парень долго смотрел через главную площадь, туда, где у самых дальних подворий виднелись главные деревенские ворота. Точнее то, что от них осталось. Раскуроченные бревна валялись на добрых двадцать шагов вокруг, остатки ставен и засовов раскинулись на обломках частокола, и груда мелкой щепы устилала вытоптанную землю.

– Видел, – негромко бросил Отер, хмурясь. Он не переставал чувствовать на себе десятки пристальных, внимательных взглядов, и это начинало порядком раздражать. – Говорю ж, неладное здесь что-то.

И путники нырнули в душную темноту корчмы.

Ооаолпдалаоаоаоа

— Эт откель занесло в нашу глухомань? — Хозяин заведения, сутулый кривой мужик, обладатель глубокого шрама через всю щеку и шею, говорившего о весьма не мирном прошлом, уныло протирал один из столов. Делал он это скорей всего от безделья, так как все вокруг и так выглядело чистым. Да и откуда взяться грязи, когда пусто здесь было, словно в девичьих покояхна костровые гуляния.

Совсем никого. Даже мышей и тех не видать.

Отер взлохматил волосы, задумался, что бы половчее соврать, но ограничился лишь невнятным:

— Странствуем. С севера.

Корчмарь как-то странно покосился через плечо на юношу, однако ответ его вполне устроил, и в дальнейшие расспросы он вдаваться не стал. Бросил лишь:

— Эт вам бы дальше топать.

Молодец решил, что негоже мяться в проходе, и прошел к ближайшему столу, расположился на лавке и крикнул:

— С дороги мы долгой, уважь уж, хозяин, тащи чего из погребка да в прикуску разного. Чтобы просто так горло на заливать.

Обладатель шрама лишь хмыкнул, пробормотал что-то про наглых юнцов, которым жизнь не дорога, но все же бросил свое бесполезное занятие и ушел через низенький проем у дальней стены. Туда, где был тот самый погребок, небось с ледника сейчас принесет вкусности.

От этих мыслей у Отера рот мигом наполнился кислой слюной, и он шумно сглотнул. Дядька же, что все это время так и стоял у дверей, только нахмурился.

— Хватит тебе притолоку сторожить, — хохотнул повеселевший от близкой трапезы парень. — Садись, ворчун старый!

Но бирюк лишь отмахнулся. Судя по его виду, он ни капли не разделял ни легкомыслия Отера, ни его радости.

Корчмарь пропадал довольно долго, и юноша уже стал тревожиться, не привалило ли мужика в погребе какой тушей. Но вот хозяин вновь вынырнул из проема и раскидал перед молодцем несколько тарелей с прикусками и весьма потасканного вида кувшинчик. Именно, что раскидал, с грохотом и дребезгом. Не очень-то любезно. Ну да Отеру уже не было никакого дела до скверного характера корчмаря, потому как он с вожделением взирал на нарезанные

ломти холодной оленины, щучьи потроха в студне, разносолы под брусникой и прочую снедь. Не мешкая ни мгновения, парень приложился прямо к горлышку кувшинчика, даже не удосужившись затребовать какой посуды для себя и дядьки, и долго, с наслаждением и чавканьем пил густую хмельную жижу. Лишь когда он утолил первую жажду, оставив в крынке чуток на донышке, то кинулся без разбору набивать рот едой. На дядьку он не обращал никакого внимания. Коль не хочет бирюк пировать, то его дело. Чай не маленький, чтобы ему сопли утирать да с ложечкой бегать – захочет, подсядет.

— А что ж это, хозяин, никого нет у тебя? — с ртом, полным сочной, холодной еще с погреба, олениной прочавкал Отер. — Ведь, коль мне память не изменяет, сейчас канун Подвязания, празднества да пиры в честь обряда в самом разгаре. А потому и у тебя здесь народу должно быть столько, что копью втиснуться негде…

— Копье, эт, оно завсегда найдет, куда втиснуться. — Хмуро, со знанием дела, бросил неприветливый корчмарь. Дядька от прохода согласно кивнул, как показалось Отеру, с уважением. — Ты ешь, да и проваливай лучше, мальчик. Целее будешь.

Юноша перестал жевать, свел брови к переносице и потянулся к мечу:

— Грозить удумал, дядя?

Бирюк же сделал совсем незаметный, но весьма ощутимый шаг вперед. Аккурат на выброс руки.

Корчмарь не двинулся с места, но и страха не выказал. Цыкнул сквозь зубы, потянул шеей, разминая поврежденные старой раной жилы, и сказал сухо:

— Ты к железяке ручки не тяни. Не грожу, а предупреждаю. Бедово у нас, да только то наше горе. Ни к чему мне на новую душу заботу взваливать.

Он повернулся и неспеша пошел обратно к недопротертому столу. Лишь бросил на ходу:

— Так что как закончишь харчеваться, мой тебе совет, бери меч и прямиком через лесочек своей дорогой топай. Платы не возьму. Может, хоть это добро зачтется…

Юноша покосился на дядьку, но по виду того было сразу ясно, что понятно ему ровно столько же, если не меньше. Парень в задумчивости кинул в рот головку чеснока, смачно хрустнул и надолго закашлялся, давясь горьким соком. Ядреный аромат ударил в нос так, что аж брызнули слезы.

Когда все же молодцу удалось продышаться, то он спросил сипло:

— И все же, хозяин, поведай нам, что у вас тут стряслось? Может и пособим чем.

Корчмарь вновь недобро глянул на парня и с сомнением протянул:

— Эт… вы… стало быть богатыри? Подвигами славные?

В словах его читалась явная издевка, но Отер то ли не желал замечать этого, то ли был слишком занят доеданием щуки.

— А то! — улыбнулся он, красуясь застрявшими меж зубов стручками петрушки. — Делам славным счету нет.

— Я смотрю, ты хвастун, каких… — начал было хозяин едальни, но тут от порога послышался голос. Звучал он певуче, сладко, даже приторно. Таким обычно изображали гусляры да скоморохи Кота Баюна, однако же вошедший уж на кого угодно мог походить, но только не на древнюю нечисть, сторожа дороги кощеевой.

— Что ж ты, Перстря, гостей дорогих стращаешь? Что они о нашем славном месте подумать могут, а?

В дверном проеме, занимая его почти полностью, объявился мужик. Был одет он опрятно и даже с некой вычурностью. На мясистом теле поверх широкой рубахи висело увесистое ожерелье из серебряных круглых пластин дивной работы. На каждом диске можно было разглядеть вытравленные узоры и рисунки. На кривых плотных ногах его были дорогие сапоги, непривычные и несуразные для деревенских жителей. Притом, что заправлены в них были самые простецкие порты. На голове посетителя покоился деревянный плоский венец старосты. Был

он самой грубой работы, однако же, по виду толстяка, носил он его с достоинством таким, будто тот был никак не меньше, чем княжий. А под ним расплывалось в сальной улыбочке неприятное лицо. Бывают такие вот хари, которые изо всех сил стараются изобразить на себе благожелательность и даже любезность, а все равно отталкивают. Дело то ли в жидких усиках под влажными губами, то ли в ледяных рыбьих глазках, утопающих между щеками и бровями, то ли еще в чем. Вот глянешь, и становится понятно – гнусный тип.

Староста прошествовал мимо неподвижного дядьки, даже не удостоив того взглядом, и направился прямиком к столу Отера. Мимоходом мазнул пухлой рукой в воздухе корчмарю. Мол, сообрази нам еще по кувшинчику. И тут юноша узрел чудо из чудес – неприветливый до того хозяин едальни вдруг залебезил, засуетился, словно мальчонка на посылках, впопыхах перевернул одну из скамей и унесся шустрым лисом к леднику. И молодец чуть по другому взглянул теперь на устроившегося напротив толстяка, разом поняв, что не просто гнусная личность пряталась под личиной благожелательности на пухлой роже. Таился там жестокий и властный тиран. Не оттого ли никто не спешит праздновать Подвязание, не оттого ли прячутся по углам ворами в собственной деревне?

Староста меж тем закончил располагаться на куцей скамье и еще шире улыбнулся, глядя прямо в глаза Отера. Проворковал сладко:

— Нечасто такие достойные мужи наведываются в наши края. Сами понимаете, деревенька у нас глухая, отдаленная. Не всякий богатырь забредет! А вы, я погляжу, оружный, сразу ясно, витязь опытный, бывалый.

От старосты, исходящего патокой, хотелось отстраниться, но молодец понимал, что надо чтить законы гостеприимства. Даже если оказывают тебе их донельзя скользкие и неприятные люди. Что уж, поблагодарим, уважим, не переломимся.

— Гой еси, голова местный, — стараясь изо всех сил придать голосу приветливые нотки, ответил молодец. — Поклон низкий за хлеб-соль, за трапезу щедрую. Прав ты, путь наш неблизкий за спиной, да впереди еще длиннее дорога. Звать меня Отромунд, сын купца из Опашь-острога, а то мой…

Толстяк всплеснул руками так ловко и быстро, что юноша невольно дернулся. Экий шустрый для своего склада.

— Ой да как не уважить доброго человека. Из таких дальних краев к нам на север. И без сопровождения ратного добраться. Вот уж точно богатырь! Да что ж это я, экий грубиян. Величать меня Кривоней, великим головой сих мест, урочища славного, что Нижними Бздунами именуются, и богатых округ да лесов… А вы кушайте, кушайте! Нам-то никаких хлопот!

“Ага, никаких, — подумал юноша, не спеша отправляя в рот оставшийся ломоть оленины. — Вся ж щедрость из припасов корчмаря. А какой себе чин насочинял, а? Эвона как завернул. Не у каждого князя именование такое длинное. А все ж, как ни крути, Кривоня и есть!”

Толстяк, которому неведомы были пасмурные мысли молодца, взирал на того с самым нежным видом, подперев складки подбородка пухлыми руками. Словно сына родного после многих лет разлуки повстречал.

Отер кинул беглый взгляд на дядьку, и тот нахмурился, давая понять, что лелейный староста неспроста притащился в корчму следом за ними. Жирный пройдоха явно что-то хочет. Парень незаметно кивнул, откинулся к стене и с ленцой бросил:

— А что, голова, беда какая у вас здесь? Я у корчмаря вот хотел вызнать, да он все отнекивается.

— Ой, да из него разве чего вытянешь, — Кривоня уже растянул улыбку так, что,казалось, морда его треснет поперек. Аж складки перед ушами образовались. — Молчун известный. Старый вояка.

И тут же, в мгновение ока переменив личину на скорбно-серьезную, вздохнул:

— А у нас да, у нас беда… — Он опустил глазки на стол, сообразив самый сокрушенный вид, и добавил негромко. — Чудище нам докучает… Вий.

От юноши не укрылось, как на краткий миг в него был пущен едва заметный колючий холодный взгляд головы. Что, богатырь, не струхнул?

За спиной Кривони длинно и витиевато выбранился дядька.

— Так с чего ты, голова, решил, что то Вий вам докучает?

Они вот уже без малого часа два сидели в корчме, гутаря про беду, что на деревеньку обрушилась. Вся закуска давно была подъедена (прижимистый хозяин не спешил нестись с добавкой, а Отер и не настаивал), и на столе перед старостой и молодцем сменялись лишь кувшинчики с брагой. Других посетителей, коль не считать облюбовавшего скамью у входа дядьки да присевшего на край дальней бочки Пертстри в едальне так не объявилось. То ли и впрямь чудище невиданное застращало, то ли понимали, что не след лезть, когда Кривоня важный разговор ведет с пришлым.

— Мы поначалу, как эта махина ворота проломила, подумали, что может какой упырь разожравшийся аль утопляк с голодухи берега попутал да ломанулся в деревню посреди бела дня. — Староста глотнул крепкого и утер рукавом холеной рубахи губы. Неприятно причмокнул. — Молодчики-то наши все ребята бывалые, крепкие, не один раз набеги всякой дряни отражали. Ну, они и в копья… Видал, небось, что от запоров наших осталось. А значит и пыль видел черную, что по земле стелется…

Юноша только кивнул. Хоть и мельком, а заметил черную сажу на пустыре, но значения не придал. Мало ли, может костры жгли вдоль дорог, праздник грядет все же. Может сено под урожай огню “молили”.

Кривоня дернул углами рта, поморщился, словно от досады. Помолчал и добавил сквозь зубы:

— Так это все, что от тех молодчиков и осталось, — староста тяжко вздохнул, и Отромунду вдруг почудилось, что впервые в голосе и в лице неприятного этого толстяка проскользнуло что-то настоящее, искреннее. Печаль?

Но Кривоня почти сразу взял себя в руки и продолжил, по-деловому сложив перед собой ладони. Сплел пухлые пальцы лесенкой:

— Дело-то как было. Чудище только ворвалось, так сразу и замерло. Прямо посреди площади, что к идолам ведет. Люд-то с перепугу даже попрятаться не успел, все больше носились да визжали, а тут глядят – неподвижна тварь. Пошел шепоток, что пращуры зло остановили, заставили остолбенеть. Да и впрямь похоже было. Чего уж греха таить, и во мне надежда такая разгорелась. Стражники наши, все ребята местные, давай гадину окружать. Пращуры не пращуры, а для верности добрым железом истыкать лишним не будет. Да только тут…

Староста не выдержал, хватанул кулаком по столу да так, что задребезжали пустые тарелки, а один из кувшинчиков подпрыгнул и опрокинулся, заливая темные доски пенной жижей. Хорошо так приложил, крепко, не делано.

— Я аккурат саженях в двадцати был от площади… Только и успел приметить, как по уродливому телу чудовища синюшная рябь прошла, а дальше… Что-то случилось, я толком и не разобрал, а все парни наши уже пеплом жарким в пыль оседают. Без грохота, без шума, — голова вдруг перешел на шепот. — В один миг сгубил дюжину храбрецов. Махом!

Отер недоверчиво поглядел сначала на Кривоню, а после покосился на корчмаря. Перстря лишь понуро кивнул, все так, мол, не привирает голова. Не зная, что и думать, парень лишь молчал и ждал дальнейшего рассказа. И толстяк, вновь отпив браги, продолжил:

— Тут-то народ разом и смекнул, что тикать надо. Народ он же такой, как опасность, то сразу нутром чует. Тут все и в рассыпную, через дальние ограды да в леса. Кто куда, в общем.

Неделю, не меньше, по чащам да оврагам прятались, боялись нос показать. Все думали, как теперь дальше жить, куда податься…

Отер все же решился, повторил нетвердо свой вопрос, уж больно чудной казался ему рассказ головы:

— И тем не менее, с чего взяли, что Вий? Сам понимаешь, про такую пакость лишь в сказаниях древних осталось, да и от тех уголь на бересте подстерся. Да и чтобы такое великое зло и позарилось на жалкую деревеньку, уж извини…

От взгляда парня не укрылось, как задели Кривоню последние его слова. Поджались пухлые губы, побледнели. Уязвился староста, но сдержался.

— Ворожей наш и сказал. Пока мы в лесах мыкались. Мол, есть то не кто иной, как древняя сущность, что Вием кличут. Только он способен вот так вот войско целое в прах обратить. — Отер невольно хмыкнул от “войска”, но и тут голова проглотил обиду. Продолжил холодно: — И еще баял мне наш волшбарь, что повезло мне несказанно, что не стоял я в поле зрения у чудища, иначе тоже лететь бы мне по ветру, с пылью смешиваться, потому как любой, кто под очи открытые Вия попадет, тому гибель лютая, верная.

Дядька кашлянул от прохода, желая намекнуть юноше, но этого и не потребовалось. Отер прищурился и спросил напрямую:

— Так от нас-то тебе что надо, голова? Сам сказал, что невидаль эта дюжину твоих лучших ратников в один миг извел. Думаешь, мы крепче? Коль надо было б мертвяков изрубить аль вурдалака, погосты разоряющего, тут я только в охотку, а здесь… Сам понимать должен, дело чаровское. Между прочим, вот ваш ворожей бы и попробовал, а?

По лица Кривони было понятно, что первым делом он бы и отправил волшбаря. Или уже отправил? Не стало ли в деревне больше на одну кучку пепла?

— Была такая мысля, — негромко проговорил толстяк и слегка откинулся, показывая все свои подбородки. Подергал недовольно усиками. — Только ворожей наш, не прошло и пары дней в лесах, как деру дал. Смекнул, хитрый лис, чем дело запахнет. Только его и видели.

— Чтоб его волки подрали! — не удержался, выругался от бочки корчмарь.

И вдруг до Отера дошло остро и внезапно, словно удар обухом по затылку – деревня! Они ж теперь как ни в чем не бывало сидят в корчме, брагу вот глушат, не первый уже кувшин. Да, люд все больше таится, но все же по домам. Может старосту и опасаются с его затеями? Значит, сгинуло чудище?

Видимо весь хоровод мыслей и чувств пронесся по лицу юноши, потому что Кривоня тут же все понял и противно улыбнулся:

— Смекаешь, отчего ж мы тут сидим, коль сам Вий к нам пожаловал? Отвечу. С первого набега зла минуло уже недели три как. Посидели мы по чащам, пожевали ягоды-коренья да и стали решать, что делать дальше. Места у нас северные, глухие, земли доброй мало. Потому, коль пошли бы мы всем народом в соседнее урочище… надо ли говорить, что лишняя прорва ртов никому не нужна, да и пока отработаем свое, пока обстроимся. Сам знаешь, суров уклад, а потому скорее всего стрелами нас и побили бы на подходах… А что делать тогда? Не коротать же век в лесах. К тому же самых боевитых да крепких тварь пожгла, и почти вся наша сила — бабы да ребятня. Да даже плуг какой или лопата в селении остались. В общем, снарядили мы разведку. Вызвались добром…

От бочки презрительно фыркнул корчмарь, ага, мол, добровольцы, как же, но одного короткого взгляда головы хватило, чтобы тот мигом умолк, вскочил и юркнул в дальний ход к леднику. И Отер еще раз приметил, какую власть имел здесь неприятный толстяк. Железной рукавицей держал люд.

— Добром, значит, — продолжил Кривоня, проводив взглядом корчмаря. — Спровадили их, поплакали заранее, на всякий случай, и стали ждать. И что ты думаешь? Возвернулись. Целехонькие. Идут, смеются. Говорят, нет никакого Вия больше, сгинул. Стали рассказывать.

Они, гонцы эти, поначалу само собой трусили изрядно, все крались вдоль частоколов да по низинам. Боязно было в деревню входить. Слушали, глядели. А внутри тихо. И пусто. Ну тот, что помладше да поглупее, Силька рябой, осмелел, да и полез за предел. Прямо вот на карачках. Пол урочища облазил, пуза от земли не отнимая, в хаты заглядывал, в амбары. Ни души! Ушел, значит, Вий. Видать, как ты и говоришь, пошел себе достойнее добычу искать. Мы-то в пляс. Вернулись в родные стены. Ратников погибших отрыдали, пращурам словечко за них замолвили, да и стали быт в обычное русло приводить, ворота чинить надумали. А через три дня…

Вернувшийся корчмарь выставил перед старостой и Отером еще несколько кувшинов и новые тарелки с закуской. Все же расщедрился. Решил задобрить гневного толстяка. Взгляд Кривони чуть смягчился, он коротко кивнул и приглашающим жестом радушного хозяина указал Отеру на свежие блюда. После чего продолжил:

— Через три дня Вий вернулся…

Из дальнейших речей толстяка старосты, путанных и сбивчивых, Отер уразумел, что то самое чудище, что изничтожило ратников и распугало всю округу, уходило и возвращалось несколько раз за все это время. Селяне дружною толпой сбегали в окрестные леса, но делали это все менее рьяно, прятались уж не так сильно и дрожали от страха не особо неистово. Потому что очень быстро уяснили, что стоило отсидеться по берлогам пару дней, да и можно было возвращаться к родным домам и привычным делам.

До следующего случая.

Что это вообще было, и почему великое зло вело себя словно ватага лесных разбойников оставалось загадкой даже для старосты. В чем он и поспешил признаться.

От всей это былички за версту несло какой-то несусветной глупостью. Несуразицей, как выразился бы старик Гахрен. Многое странно, многое непонятно, но еще больше дурного было. Да, не в новинку было на Руси, что объявлялись и тут и там сущности древние, страшные, кошмары из былых сказаний. Такого со времен раскола Леса немало случалось. Да только все те великие беды первым делом на княжьи города перли аль принимались губить людей массово, а здесь… пугалка деревенская. Да и набеги эти…

Нет, непонятно.

— А самое диковинное, — продолжал толстяк Кривоня, переходя на шепот, — что вещи пропадать стали. Возвернемся мы, значит, в урочище, а кто кочерги не досчитается, кто кафтана, а кто сапог. Вот уж кому-кому, а Вию такое уж совсем без надобности.

— Может, лихие людишки озоровали? — брякнул Отер, уже изрядно захмелев от выпитого. — Глядь, пустое селение, ну и похватали кто что успел. Мало ли, подумали, мол, народ местный отошел предкам поклониться в рощу или же по речке венки пустить в память об усопших. Потому и дернули кто что смог.

— Может и так, — задумичо протянул староста. — Да только ты вот не с наших краев и не знаешь, что все наши лихие людишки на ладьях норовят в богатые места ходить. У нас разбойнику сподручнее в ближайшем остроге в дружину наняться в ушкуйники да идти за златом счастья искать, а не сгинуть в зимних лесах ради возможности старые сапоги украсть. Таких у нас не жалуют, смертным боем бьют. За глупость больше. Так что некому было б такое творить.

Молодец призадумался. Ему уже порядком надоели странные разговоры, которые понятно к чему вели, и самое последнее, что бы ему хотелось, так это влезать в какую-то заваруху. Хватит, наспасались уже девиц и прочий добрый люд. Потому, дабы не тянуть вола за хвост, он язвительно бросил:

— А от меня-то тебе чего надо? Раз нашли вы уклад с Вием вашим, то и живите себе ладно. Как приходит чудище, попрятались. Ветошью какой откупились да и всех делов. Согла-

сись, голова, драные сапоги не самый высокий оброк. Зато всегда Вий под рукой. С этакой молвой к вам никакие князья-завоеватели не пожалуют, себе дороже!

Кривоня слушал юношу и качал головой, соглашался. Однако в крохотных глазках его не было ни проблеска смирения. Что-то не давало покоя толстому старосте, явно хотел он заиметь какую-то свою выгоду. Но то для подвыпившего Отера уже было скрыто. Голова заискивающе улыбнулся, пододвинул к парню кувшинчик и вновь заговорил лилейным противным голоском, с каким он вошел несколько часов назад в корчму:

– Так-то оно так. Да только рушится быт наш. В лес раз в неделю не набегаешься. Чахнет урожай, рушатся устои… – он начал было подвывать, но оборвал сам себя, поднял пухлую руку и сказал с деланной легкостью. – Все, молчу! Ты богатырь, тебе решать самому, каким будет твой путь. Коль решил оставить детей малых, чьи отцы сгинули в бою с чудищем, на растерзание, а вдов да девок на поругание, так тому и быть.

Дядька, что нахмуренно все это время слушал речи старосты, подался было вперед, но Отер едва заметным жестом остановил его. Полно, мол, сам разберусь! И икнул.

– Не дави на сердце, Крив-воня, – невпопад хихикнул Отер и надолго приложился к поданому кувшину. – По всей Руси бед не счесть, где-то да опоздаешь.

– Это да, особливо, если идти не хочется. – мимоходом обронил толстяк и покосился на корчмаря.

– Не дав-ви, говорю! – разомлевший парень тоже ухнул по столу кулаком, как не так давно староста. Вышло грозно и громко.

– Полно, полно, – в притворном испуге отстранился голова. – Не гневись, витязь! Забыли. Уж со своей бедой мы сами сладим. А ты уважь хозяев радушных, погости чуток. Да и день клонится к закату, не на ночь же глядя в путь пускаться. А вечерок скоротаем за доброй похлебкой и крынкой-другой браги. У Перстри отменная бражка в погребах. Он то, скаредник, нечасто ее достает, однако ж для такого случая…

Хозяин едальни согласно закивал, не совсем понимая затею головы, но боясь перечить.

– А завтра в п-путь, – промямлись Отер, которому последний глоток уже порядком вскружил голову. – А то еще Вий ваш нагрянет…

И он громко захохотал, разнося гогот по пустой корчме. Дядька все же шагнул вперед, попробовал выхватить сосуд с хмелем из рук молодца, но тот оказался проворнее. Извернулся и показал язык бирюку.

– Что волком смотришь? – крикнул он бородатому молчуну. – Тоже выпей!

Староста как-то странно покосился на разбушевавшегося уже юношу, бросил косой взгляд через плечо и согласно кивнул:

– Обязательно выпьем, молодой витязь! Непременно! Перстря, а неси-ка нам своих самых крепких припасцев!

И послушный корчмарь вновь унесся в глубины подвала.

Дядька, понимая, что теперь хмельного парня не угомонить, кроме как с боем пытаться вытащить прочь, рискуя порушить пол деревни, только махнул рукой и проворчал:

– Вошли в гузно на полный лапоть…

После чего громко рухнул обратно на скамью у входа и, кажется, задремал.

****

Голову изнутри будто клевали вороны.

Колотили острыми кривыми клювами, рвали нутро.

Тук! Тук-тук!

Отер с трудом открыл глаза и попытался проморгаться.

— Дядь! — негромко позвал он, однако вместо звука пересохшая глотка только вытолкнула из себя бессвязный хрип. С силой сглотнув ком, юноша повторил попытку: — Дядька-а-а!

Ответом ему была тишина да отдаленное кудахтанье кур.

“А вот когда селяне прочь бегут, они кур с собой тащат? Хвать в подмышки и со всех ног в чащи?” — отстраненно подумал парень и вдруг разом, остро вспомнил недавний разговор в корчме. А заодно и уяснил причину теперешнего своего состояния. Ох, прав был тятя, знать надо меру во хмелю! В висках плясали десятки бешеных кузутиков. К тому же где-то внутри быстро разрасталось что-то нехорошее, предчувствие недоброго. Только вот отчего то было, ухватить никак не удавалось.

Молодец еще немного полежал, собираясь с духом, но все же нашел в себе силы и сел одним махом. Из нутра вырвался стон неимоверного страдания. Его тут же замутило, повело, и он не глядя ухватился за торчащую корягу, которая на поверку оказалась ногой коровы. Собственно, буренка недовольным протяжным мычанием и известила незваного гостя о таком положении дел. Отромунд долго и без малейшего проблеска мысли в глазах пялился на рогатую скотину, и лишь получив хвостом по щекам, догадался отпустить окорок.

Очень скоро выяснилось, что довелось проснуться великому витязю не где-то в хоромах или, на худой конец, сенях старосты, а в хлеву. И что, судя по розовым лучам, проникающим в распахнутые настежь ворота, снаружи занималось чудесное северное утро. Чудесное всем, наверное, кроме Отера.

В проем вдруг заглянула упитанная рябая курица. Потопталась немного, порыла когтистой лапой примятое сено, выискивая зернышки, и покосилась на юношу выпученным глазом. Кудахтнула негромко, приоткрыв клюв, и вдруг молвила человеческим голосом:

— Ну ты, малой, и вляпался!

От удивления парень даже немного пришел в себя, перестав постанывать и кряхтеть. Он сидел, забыв моргать, и во все глаза уставился на чудо птицу.

— Это ты… как так-то? — промямлил он, пытаясь медленно встать на четвереньки. Почему-то такая поза для разговора с волшебной квочкой казалась ему самой подходящей.

— Последнюю мозгу хмелем вымыло? — ворчливо спросила кура, и только теперь Отер заподозрил неладное. Уж больно похож был голос у наседки на дядькин. Такой же вечно недовольный и пасмурный. Разве что излишне словоохотлива была несушка.

Ну а крепкий подзатыльник, что прилетел спустя мгновение на бедовую голову молодца, развеял остатки сомнений.

— Ох, баламошка[2]! — раздалось теперь откуда-то сверху. Перепуганная же звонкой оплеухой курица унеслась прочь по своим птичьим делам. Борясь с вновь нахлынувшей дурнотой и вполголоса бранясь самыми последними словами, Отер с трудом поднял взгляд.

Над ним возвышался дядька и, судя по грозному лицу бирюка, парня не ждало ничего хорошего. Смутная тревога внутри быстро перерастала в убежденность беды.

— Говори уж, — обреченно просипел юноша и пополз к заполненной водой поилке для лошадей.

И дядька сказал…

За неполный час Отромунд, сын купца Вала из славного Опашь-острога, узнал несколько вещей.

Для начала, что он один из самых скудоумных остолбней, которых свет белый видывал да и в целом на всей Руси, даже если исходить ее из края в край от Ржавых степей до Большого камня, не сыскать такого остолопа. И что не будь дядька порукой одному молодому дурню, то бросил бы он его к чурам прямо в этой глуши на съедение гнусу и мошкаре, коих в сих краях вдосталь.

[2] Баламошка - дурачок, полоумный.

Следом молодец уяснил, что пить хмельное ему ни в коем разе нельзя даже по большим праздникам и на великое поминовение. Да даже на Деды[3]ни чарочки, ни глоточка нельзя, ибо во хмелю некий буйный юнец не следит за своим помелом, что у него заместо языка во рту приделано, и что вообще в некоторых местах за такое уже давно бы кормил кое-кто раков на дне в обнимку с камнем за пазухой и добрым колом под ребрами.

И напоследок придавил беспощадный дядька новостью такой, что исходя из вышеозначенных пунктов подписался один бравый богатырь, который пьет, между прочим, как девка, помочь всей деревне и извести чудище, что селянами Вием зовется.

Такой вот удалец.

Подытожено было тем, что развел хитрый Кривоня одного сопляка жидкоусого, как младоумня. Уж не знамо, с каким умыслом, а вынудил дать слово верное. И ни уговоры, ни попытки дядьки утащить бражного молодца прочь не возымели успеха, потому как слишком силен был мед в голове да сладки хвалебные слова толстого старосты. После же бравый богатырь, дав клятву, с почестями вышел на воздух, якобы тут же идти одолевать зло великое, однако притомился в ближайшем хлеву. Где, собственно, до сего момента и прибывает.

Отер сидел у поилки, слушал и подавленно молчал.

— Дался голове этот Вий, — протянул он рассеянно. — Чужими руками хочет славу загрести аль чего?

Дядька, слегка выдохшийся от самой, наверное, бурной речи за всю свою бытность, лишь пожал плечами.

И оба надолго замерли в тяжких раздумьях. Даже дворовая живность и та слегка поутихла, не смея мешать мыслям витязей.

— Давай сбежим, а? — наконец негромко предложил молодец, косясь снизу вверх на бирюка. — За околицу, в чащу и ищи-свищи. Не пошлют же погоню, в самом деле…

И вспомнив участь местных стражников, юноша добавил шепотом:

— Да и некого слать-то…

Дядька только покачал головой. Нельзя, мол, клятву ты дал, крепкую. Предками поручился, родичами. И парень, уже и сам уразумев это, только вздохнул. Оно и понятно – коль так, коль нарушить данное обещание, то все пращуры рода поруганы будут, отвернется от него и от потомков всех доля да счастье. Но не то самое лютое было б в том. Каждый знает, что нет клятвопреступникам, кто слова своего не держит, ходу вольного по дорогам Руси, что каждый встречный может прирезать его, как куренка, и тем самым себе еще и добро сделает. И отчего-то и Отер, и дядька не сомневались, что гнусный староста растрезвонит на всю округу про такое…

Да и самому с грузом как жить.

— Делать нечего, надо пособить, — развел руками юноша. — Как думаешь, дядька, как бы подступиться половчее? Не напрямки ж идти, в самом деле. Сам видел, что сталось с теми, кто напролом попер.

Бирюк свел брови к переносице еще сильнее, хотя, казалось, дальше просто некуда и долго жевал ус. Думал. Но вдруг зыркнул на парня, хмыкнул в бороду и кивнул куда-то в сторону выхода из хлева.

Отер, уже порядком пришедший в себя (тело молодое оно любую потраву споро переваривает), слегка приободрился и взлохматил волосы привычным бодрым жестом.

— А это дело! — хлопнул он себя по колену. — Коль жил тут ворожей, то и жилище какое имел, человек в каждом урочище уважаемый, пригретый. Вот там и поискать бы, авось какую волшебную дубину найдем, которой любого Вия бах! И все! Как богатырь! Тем более чаровник,

[3] Деды - праздник поминовения усопших. Один из особо почитаемых обычаев.

если верить словам Кривони, деру дал давно, не осерчает, коль в его вещичках порыскаем. Айда!

И парень вскочил, покачнулся и нетвердой походкой двинулся прочь.

Дядька только сокрушенно покачал головой и поплелся следом.

Дом ворожея нашелся без особого труда.

Дело было даже не в том, что все люди таинств селились обычно поодаль от остальных или же любили украшать подступы к своим жилищам разного рода черепами, корягами и прочими, несомненно нужными в чаровском ремесле, но не очень приятными глазу предметами. Скорее нашлось оно скоро оттого, что веяло от него той самой знакомой каждому человеку дурниной, какой тянет от любой волшбы. И ведь не столь важно, был ли то чернокнижник окаянный, зло несущий, или же уважаемый на всю округу знахарь, что любому рад помочь-пособить. Все одно тянуло завсегда чем-то чужеродным, непонятным. Оттого, наверное, что и дурные колдуны, и добрые чаклуны – все кончали жизнь свою в муках заточённого внутри дара. И всех их ждала одна участь даже в те давние времена, когда дороги в Лес открыты были – нежитью безумной оборачиваться. И потому и конец для всех людей дара был один: в домовине заточить, серпами шею обложить да ноги отрубить, чтобы не вернулся упырь кровосос на свет белый. А уж что он там при жизни творил, доброе аль худое, то никакого значения не имело. И даже теперь, в эти темные времена, когда любой покойник так и норовил вертаться обратно, все безропотно чтили обряды погребения колдунов.

Уклад такой, значит.

“Может, оттого и идут колдуны на сговор с Пагубой? — думал Отер, рассеянно разглядывая высокий холм, на котором раскорячилась хижина ворожея. — Оттого, что и дороги иной у них нет. А так, хоть крупичку силы да память сохранить…”

Мысль показалась парню противной и какой-то склизкой. Как кровь вурдалака. А потому он поспешил отбросить лишние думы и поскорее расквитаться с навязанной клятвой.

Вот же лезут в голову глупости с перепоя!

Юноша и дядька неспешно поднялись по обрамленной раскидистыми папоротниками тропинке, покосились на нанизанные на темные колья черепа и, толкнув дверь, вошли в жилище.

Внутри оказалось неожиданно просторно. Своды крыши, не перекрытые пологами или настилами, резко уходили вверх, к балке. На стенах, неряшливо замазанных глиной поверх кривых бревен и неимоверно закопченных, густо висели пучки трав, коренья, кривые рогатины, перевязи сухих ягод и множество прочего хлама, который по виду напоминал мусор. От этого многообразия жилище больше походило на берлогу медведя, куда косолапый хозяин нанес всякого под зимнюю спячку. То там, то здесь были приторочены кривые бубны, обтянутые кусками кожи, захватанные до блеска посохи, гирлянды костей самых разных животных и птиц. На низких скамьях покоились миски, крынки с черными от копоти краями, тарелки с отвратительной на вид засохшей жижей на дне. По углам ютились груды корзин, коробов и пузатых котлов, а земляной пол покрывало множество шкур, линялых и затертых до дыр. В общем, было тут так, как и в любом жилище любого ворожея аль сельского колдуна.

И впрямь, не рукописи же ведунов здесь ожидалось обнаружить, будь прокляты те предатели во веки вечные, чтоб отвернулись от них все предки.

Отромунд, все еще терзаясь головой и немного животом, бесцельно бродил по хижине, заглядывал в корчаги и горшки, рассматривал непонятные закорючки на деревянных дощечках, развешанных над входом, бездумно перебирал куски бересты с выведенными на них углем кривульками. Честно говоря, парень даже приблизительно не понимал, что им надо найти, но, по всему видать, это была единственная ниточка к решению беды. Ну, кроме той, где они несутся на древнее чудище с оружием наперевес и вскоре опадают на землицу кучками пепла.

Это Отер покамест решил оставить на крайний случай.

Дядька, который тоже блуждал вдоль стен, что-то негромко бормотал себе под нос, и парню даже показалось, уж не защитные ли наговоры от дурных чар шепчет старый бирюк, но тут ему в очередной раз подурнело, и он перестал следить за спутником. Юноша спешно выбежал наружу.

— Чем бы чудище одолеть? — задумчиво обронил парень, вскорости вернувшись обратно. — Наверняка у любого более или менее опытного ворожея должны быть чудесные потаенные… эти…

Не придумав названия для тех самых “этих”, молодец сделал в воздухе непонятный жест, скрутил пальцами какую-то замысловатую фигуру и, поймав на себе насмешливый взгляд дядьки, только крякнул и махнул рукой.

— Сам и предлагай, раз такой смекалистый! — буркнул он и полез в завал сундуков. Бирюк со своей стороны тоже не нашелся, что сказать, хмыкнул и стал рыскать под лавками.

— Я все думаю, — громыхая деревянными крышками и коробами, вскорости подал голос парень. Видать с похмела от болтовни ему становилось легче. — Странный он какой-то, Вий этот. Никак в толк не возьму, чего он на деревню взъелся? С такими силищами уже можно было княжий острог штурмовать, а он тут… Еще и промышляет по мелочи, словно воришка какой. Нет, не возьму в толк.

Молчун, продолжая копошиться в груде хлама под скамьями, только пробубнил что-то в ответ.

— Староста этот еще, — не унимался Отер. — Уперся рогом, словно баран какой. Далась ему эта нечисть… Кстати, о небыльниках. Я вот что-то еще ни разу даже завалящего хлевничка не увидел. В корчме и той ни кикимора нос не показала, ни чертики какие, а они такие заведения страсть как любят, там, где поозоровать можно. Будто повымело. Неужто и Небыль Вия там напугалась?

Бирюк выбрался из-под лавки и удивленно посмотрел на парня. Кашлянул хрипло, мол, а ведь прав ты, малец. Люди есть, а нечисти домовой нема.

— Вот тебе и загадка, хоть лоб в три аршина имей, — с мудрым видом произнес молодец и еще глубже зарылся в один из распахнутых сундуков. — Прямо таки таинство на таинстве. Вопросов тьма, и мы с тобой в них по самые… Ох!

На какой-то миг дядьке показалось, что вся груда хлама в углу, где копался парень, дрогнула и обвалилась, погребя под собой незадачливого искателя чудес. По крайней мере крышки сундуков задрожали, многочисленные коробы и ларцы заскрипели, заскрежетали, и вскоре из навала торчали одни лишь ноги юноши. И откуда-то из глубины доносилась неразборчивая речь. Старый пестун собрался уж было поспешить на выручку подопечному, однако тот уже вполне себе благополучно умудрился выбраться наружу и теперь восседал прямо на полу. В руках он держал нечто, напоминавшее то ли идолок, то ли вырезанную личину. Загадочная вещица была размером с добрый горшок, но самое главное – она исходила чарующим золотым сиянием. Дядька только и успел, что поразмыслить, откуда это у простого сельского ворожея, не самого, судя по хижине, зажиточного, в закромах притаился драгоценный истукан, за который смело можно было выторговать отличные хоромы даже в стольном граде. А Отер меж тем уже подпрыгнул, окончательно забыл про вчерашние возлияние и теперь гасал по всей хибаре, то и дело воздевая над лохматой головой найденное сокровище и что-то выкрикивая. Да так, что в какой-то момент бирюк стал всерьез опасаться, не повредился ли рассудком юнец. Мало ли, тяжелой крышкой сундука по затылку прилетело и вот, пжалте!

Молодец же, внезапно закончив свои пляски, в один миг подскочил к дядьке и с жаром прошептал:

– Вот оно! Вот!

Старый охотник еще раз недоверчиво покосился на золотую безделушку, что крепко сжимал в руках парень.

– Не понимаешь? – еще ближе пододвинулся Отер, заглядывая прямо в лицо спутника. Очи его горели лихорадочным огнем. – Это ж оно! То, что одолеет чудище!

Дядька, окончательно убедившись, что дело не обошлось без увечья головушки, вопросительно хмыкнул. Мол, с чего это ты взял, болезный, что непонятный идолок супротив древнего Вия сладит?

– Как? – искренне удивился Отромунд и сунул прямо под нос своему другу найденку. Будто надеялся, что так не сметливый дядька сможет получше разглядеть ее и поймет. – Она ж самая… самая… яркая!

Сказать, что у бирюка отпала челюсть – ничего не сказать. Нет, он знал, что с детства чудной мальчишка никогда не был большого ума и порой принимал решения сердцем, а не головой, но чтобы вот так, выбрать в доме ворожея волшебное орудие против великого зла, основываясь на… красоте... Такого он и в страшном кошмаре не мог представить. Именно об этом и было в кратких, но пестрых выражениях заявлено молодцу. Равно как и то, что оба они не сведущи в колдунстве, а, следовательно, не могут знать, как сработает та или иная чудобезделица. Что хорошо бы для начала найти какие записи, поизучать. Наверняка чаровник делал пометки о своих сокровищах. Но пока излагал это старый дядька, пока приводил доводы, все больше понимал он, что уходит это мимо юноши, будто вода сквозь пальцы. Видел он, что уже вбил парень себе в голову, будто нашел борение против Вия.

Замолк бирюк, вздохнул тяжело.

– Как? – лишь обронил сокрушенно.

Отер понял. Кивнул уверенно:

– Найду чудище окаянное, подкрадусь да и… бах! Над головой воздену, а дальше уж дело за идолком! Что ты, право, былин не слыхивал что ли? Где там было хоть раз сказано, чтобы богатырь умом раскидывал да разбирался, как действуют чудеса? То-то же! Так вот, найду я…

Бирюк, который понял всю тщету переубедить молодца, недобро нахмурился. Парень тут же набычился и потупил взор. Буркнул:

– Да! Найду! – Он немного замялся и вдруг выпалил: – Я тебя с собой не возьму. Так и знай! Я того… Ты не бери в обиду, но я уже тебя чуть не потерял там, у волотов. А мне сердце знаешь как резало, думал, лучше бы меня там… камнями. Так что нет, не пущу!

Дядька слушал сбивчивую речь Отера, и в глазах его впервые, наверное, за многие годы, блеснуло что-то похожее на слезы. Заблестели, задрожали. Сморгнул старый охотник, кашлянул хрипло. Вот, значит как, малыш. Раньше не дрожал за спутника, а как лицом к лицу столкнулся с гибелью близкой, как пощупал рукой, так теперь трясешься. Не за себя, за друга. То бывает, это прожить надо, да только не получится вечно щитом быть другому. Потому как у каждого своя дорога. А где-то и я тебя прикрою.

Отромунд поднял глаза, словно ощутив беззвучные думы дядьки. Мотнул патлатой головой.

– Может и так, – сказал тихо. – А все же… держись позади. Оружие-то волшебное у меня!

И с этими словами он вновь ткнул золотым идолком в лицо бирюка.

Блестящее, значит ценное. Значит сильным чудом может быть!

– Как сорока! – вздохнул дядька и двинулся к выходу.

Долго искать логово Вия не пришлось.

Здраво рассудив, что чудище невиданное, коль повадилось в деревню являться, то и должно быть неподалеку, новоиспеченные борцы с древним злом стали обшаривать окрестные овраги да чащи. Искать старались в самых мрачных и лютых местах, потому как Отер был уверен, что настоящий кошмарный ужас не будет отдыхать на солнечной полянке под весе-

лое пение птиц, что положено ему смастерить себе лежбище где-нибудь в темном и страшном месте. В идеале, конечно, в какой-нибудь пещере сырой и чтобы весь пол костьми человечьими устлан… Откуда взяться там такой груде, коль Вий сжигал всех ворогов дотла, Отер предпочел не уточнять. На сомнение дядьки, выраженное во вздернутой брови, он лишь ответил, что так заведено и все тут!

Но что самое удивительное – молодец оказался прав. Солнце только стало клониться к закату, как выбрели они к весьма жуткому и наводящему оторопь бурелому. Хоть и не редкость были подобные пади в лесах, северные ветра часто валят даже могучие сосны, а все же было это место приметнее прочих. Потому как то там, то здесь можно было различить среди мха и кустов утварь сельскую да тряпки.

Пожитки, явно пропавшие из урочища.

Отер тут же пригнулся, поднял одну из вещиц, что оказалась на поверку ободранным лаптем, и шепнул:

– Неряшливый какой, разбросал добычу!

После чего юноша, выудив припрятанного до того идолка, стал пробираться вглубь зарослей. Только бросил через плечо, обращаясь к дядьке:

– Я напрямки пойду, а ты… схоронись покамест во-о-он там!

И он кивнул на большой валун, поросший мхом, что развалился по правую руку шагах в десяти.

Бирюк не стал спорить и в один момент исчез в наступающих лесных сумерках, оставив парня одного некоторое время завидовать умению охотника вот так растворяться без следа. Сам же молодец, склонившись и невольно пытаясь подражать повадкам своего соратника, двинулся дальше.

Не так долго вроде и полз парень, продираясь сквозь кустарники и перелезая через поваленные стволы-гнилушки, а все же сумерки сгущались над лесом с несказанной быстротой. Еще чуть-чуть, и трудно будет различить хоть что-то на несколько шагов вперед. Но и торопиться было не след, потому как шел он, по правде сказать, наугад, знакомый с ворогом лишь по россказням Кривони да старым памятным байкам гусляров-балаболов. Если так призадуматься, то очень сомнительная была затея. Впрочем, Отер никогда не любил обременять себя тяжкими раздумьями, предпочитая действовать быстро и смело. Или как говаривал порой дядька – тупо и глупо.

“Тут главное его загодя увидеть! – подумал молодец, проверяя меч. Доставать его дело недолгое, а вот мешаться может, коль чудо-идолок в ход пускать придется. – Коль на веру брать, что староста баял, то громадное чудище и уродливо. Такого даже в буреломе не пропустить!”

И вдруг парень замер. Почудилось ему впереди, там, за громадным валом земли, какая-то возня. Небось Вий и ворочается, больше некому. Не спеша, однако, лезть нахрапом, парень решил подобраться поближе, и очень скоро взору его предстала совершенно невообразимая картина.

В зарослях дикого волчатника, прямо посреди кустов застыла темная кривая туша. Была она так огромна, что в вечерних потемках спокойно можно было принять ее за торчащую из земли скалу или кривой валун. На что-то человеческое она походила мало, так как была вся бугристая, перекошенная, и лишь по некоему подобию длинных рук, плетьми свисавших вдоль тела, получалось догадаться, что сия груда плоти есть существо. Отер тут же припал к земле, опасаясь, не нашумел ли он, не привлек ли внимания твари, однако та даже не шелохнулась и продолжала… Висеть в воздухе? Да, теперь молодец смог разобрать точно, что туша парила над зарослями, едва касаясь верхних колючих веток кончиками лап.

Парила и не двигалась, зато на ней…

Поначалу парень подумал, что это какие-то куски Вия живут своей отдельной жизнью, словно несколько голов на перекошенных плечах мечутся туда-сюда, ворочаются, озираются,

но вот всплеснули вверх то ли щуплые ручки, то ли мохнатые копытца, и Отромунд стал еще внимательнее вглядываться в бесформенную возню на загривке.

И чуть не ахнул. Спешно зажал рот ладонью.

На ужасном древнем зле, помнящем, наверное, еще первый стон создания мира, копошились… злыдни. Три мелких гнусных небыльника, любителя напрудить в утренний удой и стащить цветастый гребень. Пакостники. А занимались они тем, что неистово и отчаянно дрались друг с другом. Во все стороны летели клочья шерсти, выдранные волосы, раздавались налево и направо тумаки, и все это под сосредоточенное сопение и негромкую брань. То и дело из горнила битвы выпархивала какая-то непонятная вещь и отправлялась в сторону, и вскоре Отер с немалым удивлением понял, что это… вещи. Самое разное сельское барахло. Вот выпорхнули и повисли на ветке широкие портки, вот рухнуло вниз старенькое ведерко без дна, вот, описав кривую дугу, отправился в лес лапоть. И тут же стало понятно, отчего это по всей округе валялись где ни попадя наворованные вещи.

Наконец Отер смог хоть что-то разобрать среди возни и ворчания.

– Отдай!

– Это кто тебе сказал, что ты первым выбираешь?

– Мамка твоя!

– Она и твоя мамка!

– Ах так?

– Н-на!

– Братцы, разрешите пробить с копыта!

– Ах…

Битва между злыднями шла не на жизнь, а насмерть. Наверное самые жадные разбойники и те делили бы добычу более мирно, но не от этого впал Отер в оцепенение (мелкие небыльники известны каждому своим недалеким и склочным характером). Он все переводил взгляд с бушующих пакостников на неподвижный монолит Вия и не мог взять в толк, что вообще происходит.

Как древнее зло могло связаться с подобными… дурнями?

Впрочем, сути дело это не меняло. Главное, чтобы золотая вещица сладила с Вием, а уже разогнать гнусную мелочь хлопот не составит – злыдни трусливы и редко когда решаются на прямое столкновение с людьми. И потому после недолгих раздумий, Отер не сочинил ничего лучшего, кроме как подняться во весь рост и шагнуть вперед, воздевая над головой найденную в доме ворожея штуку.

– Вот и пришла твоя погибель, чудище! – стал вопить он как можно более грозным голосом. Себе Отер представлялся никак не меньше былинного богатыря навроде Кожемяки, выступающего против Змея. – Силой этой… этой… В общем, силой я отправлю тебя обратно туда, откуда ты посмел выползти, чтобы…

Он запутался в речи, сбился и потому стал просто потрясать в воздухе золотым идолом.

Как ни странно, но это возымело действие. Только не на самого Вия, а на злыдней. Пакостники разом перестали бодать и пинать друг друга и даже забыли в испуге спрятаться за могучей спиной чудища. Все трое, выпустив из лапок недоделенное барахло, как заворожённые уставились на тускло сияющий желтым идолок.

– Ва-а-а… – только и выдохнули они в один голос. – Какая цацка! Самая… самая яркая.

Отеру показалось, что где-то поодаль из-за валуна в засаде раздался звонкий хлопок ладони по лбу, но сейчас ему было не до душевных терзаний дядьки. Сидит в безопасности и ладно.

– Силой сего чуда… – вновь попытался заголосить молодец, но, против его ожидания, злыдни лишь подхватили наперебой:

– Дааа!

– Чудо!

– Чудесочка яркая!

Совсем растерявшись, парень опустил подзатекшие уже руки и с сомнением спросил:

– Так… злыдни! Вы это… чего тут делаете?

– Как чего? – удивился один из троицы, не сводя глаз с зажатой в ладонях юноши вещицы. – Добычу делим.

– Ты, это… – поддакнул другой, жадно облизываясь, – шел бы отсюдава, паря! По добру, по здорову. Это, значится, наши округи.

– Мы все деревни в страхе держим! – закивал и захихикал третий, тоже не отпускавший взгляд от идола и даже забывавший моргать. – Так что топай!

– Только цацку оставь, – вкрадчиво добавили все трое. – А не то… вжух! И нет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.